

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

В. Н. БАРЫШНИКОВ

РОССИЯ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Часть I

Учебное пособие

Санкт-Петербург
2013

ББК 63.3(0)
Б 269

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. *В. Е. Возгрин* (Санкт-Петербург. гос. ун-т),
д-р филос. наук, канд. ист. наук, проф. *А. Л. Вассоевич* (Санкт-Петербург. гос. ун-т)

*Рекомендовано к печати
Ученым советом исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Барышников В. Н.

Б 269 Россия и страны Северной Европы. Часть I. От Средних веков к
Новому времени: Учебное пособие. — СПб., 2013. — 88 с.

В первой части учебного пособия рассматриваются политические, экономические и культурные взаимоотношения России со странами Северной Европы (Дания, Швеция, Финляндия, Норвегия и Исландия) начиная с эпохи раннего Средневековья до начала XX-го века.

Пособие предназначено для студентов исторического факультета СПбГУ

*Учебное пособие подготовлено при поддержке Министерства образования
и науки Российской Федерации, соглашение № 8177 от 26 июля 2012 года*

ББК 63.3 (0)

© В. Н. Барышников, 2013
© Исторический факультет
С.-Петербург. гос. ун-та, 2013

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории скандинавских стран и Финляндии в Санкт-Петербурге

Изучение истории стран Северной Европы традиционно было связано с научной деятельностью определенных исследовательских центров России. Это было во многом вызвано рядом обстоятельств, которые на протяжении многих столетий откровенно переплетали историю нашей страны с историей скандинавского региона, исследованием войн на северо-западе Европы, а также рассмотрением в научно-исследовательском плане т.н. «балтийского вопроса». Дело в том, что, начиная с возникновения Древнерусского государства, связи нашей страны со Скандинавией являлись очень тесными. Они выражались в самых разнообразных формах, включая экономическое, политическое и культурное сотрудничество. Также регулярно на Севере Европы вспыхивали войны, в которых неизменно принимала участие Россия. Можно даже сказать, что наша страна ни с кем столько раз в своей истории не воевала на Западе, как со Швецией, а в XX-м веке Советский Союз ни с кем столько не воевал как с Финляндией. На протяжении первой половины XX-го века наша страна трижды заключала с Финляндией мирные договоры. Естественно, что подобные обстоятельства не могли не привлекать внимание исследователей.

При этом следует заметить, что интерес к истории стран Северной Европы в научных кругах России стал формироваться уже в XVIII–XIX веках, причем обычно тогда исследователи ограничиваясь, либо рассмотрением самой ранней истории взаимоотношений Древнерусского государства со Скандинавией, либо изучением войн и международных отношений на севере Европы. Как по этому поводу заметил известный скандинавист, профессор Г. А. Некрасов: «В дооктябрьский период создавались преимущественно конкретно-исторические исследования по балтийскому вопросу, русско-шведским и отчасти русско-датским связям». Историк далее к тому же подчеркнул, что «внутренняя история Скандинавских стран изучалась недостаточно». Причем обычно, в отечественной научной литературе не акцентировалось внимание на принадлежность того или иного ученого-скандинависта к соответствующему российскому исследовательскому центру. Исключением составляли лишь попытки определенных историографов указывать на объективно сложившуюся в 1960–1980-е гг. научно-исследовательскую школу изучения истории Финляндии в Республике Карелия. Также в последующий период наметились еще тенденции

превращения еще Архангельска в центр по изучению истории Норвегии. Это стало особенно заметно после проведения в начале XXI-го века здесь XIV-й и XIV-й всероссийских конференций по изучению Скандинавских стран и Финляндии.

Тем не менее, явно незаслуженно замалчивалось то, что в России именно петербургская историческая школа стала той основой, при которой закладывалось научное осмысление истории скандинавских стран и Финляндии. В исследовательской литературе можно лишь вскользь встретить констатацию данного явления. Так, известный ученый профессор А. С. Кан заметил, что именно в Санкт-Петербурге «вплоть до Второй мировой войны сосредоточивались скандинавские штудии». Другой же крупнейший отечественный скандинавист ленинградец И. П. Шаскольский прямо указал на то, что «во второй половине 1800-х гг. и начале 1900-х гг., почти все исследования истории российско-финских отношений были написаны и изданы в Санкт-Петербурге».

Но эти утверждения, все же требуют развернутых пояснений. Действительно, в начале, прежде всего, именно в Петербурге стали появляться исследования, которые в той или иной степени затрагивали историю стран Северной Европы. Первым всплеском явного интереса к истории Скандинавии стало активное обсуждение в первой половине XVIII-го века, в стенах Санкт-Петербургской Академии наук, проблем генезиса российской государственности. Немецкие историки, работавшие тогда в Петербурге (Г. З. Байер и А. Л. Шлёцер), выдвинули версию «норманнского следа» в истоках зарождения Древнерусского государства в эпоху раннего средневековья. У этой версии, как известно, появились тогда противники (М. В. Ломоносов), что, несомненно, придало возникшей дискуссии серьезную научную составляющую, а сами споры и отношение к «норманнской версии» условий возникновения российской государственности далеко перешагнули XVIII в. и затронули в концептуальном плане практически всех историков раннего русского средневековья вплоть до наших дней.

В результате развития данной дискуссии начал расти и интерес к истории соседних с Россией скандинавских государств. Причем тогда уже в Петербурге стали переводить первые конкретные исследования по истории стран Северной Европы, изданные до этого за рубежом. В частности, во второй половине XVIII в. был издан сокращенный перевод «Истории Дании» Л. Хольберга (*История Датская, сочиненная господином Голбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания артиллерии капитан Яков Козельский. СПб., 1765–1766. Ч. 1–2*).

Но, с другой стороны, интерес к истории скандинавских государств в России стал также проявляться вследствие необходимости анализа наиболее острых событий, сопутствовавших развитию истории взаимоотношений России со странами Северной Европы. В частности, в Петербурге уже в XVIII в. появились первые работы по истории русско-шведских войн, которые, как известно, регулярно тогда возникали, начиная с раннего средневековья. В этом отношении, несомненно, представляет интерес составленная тогда «Гистория Свейской войны», которая была посвящена рассмотрению хода Великой Северной войны.

Но систематическое изучение истории скандинавских стран и Финляндии в Санкт-Петербурге тем не менее началось уже непосредственно лишь в середине и во второй половине XIX в. Причем, продолжая заложенную ранее традицию, тогда в центре внимания исследователей оставались главным образом военные сюжеты, причем, прежде всего, русско-шведские войны XVIII–XIX вв. Авторами этих работ являлись известные военные историки или участники самих этих событий из числа российских военачальников. В частности, тогда увидели свет книги генерал-лейтенанта русской армии, члена Российской АН А. И. Михайловского-Данилевского — «Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг.» (СПб., 1841), а также члена Государственного Совета, почетного члена Императорской Военной академии генерала П. К. Сухтелена — «Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швециею в 1808 и 1809 гг.» (СПб., 1832).

Данные работы, фактически, заложили основу к дальнейшему изучению событий последней русско-шведской войны. Следующий же серьезный шаг здесь был сделан уже в начале XX-го века, когда был подготовлен к изданию военным историком, полковником П. А. Ниве сборник переведенных на русский язык документов военно-исторического отдела шведского генерального штаба, посвященных событиям 1808–1809 гг. (*Военно-исторический отдел Шведского генерального штаба. Шведская война 1808–1809 гг. Ч. 1–3. СПб., 1909*). Это позволяло уже на двухсторонней основе взглянуть на события последней войны, произошедшей между России со Швецией. Неслучайно, поэтому затем в 1910 г. П. А. Ниве издал свою весьма фундаментальную работу, раскрывающую ход боевых действий в тот период (*Ниве П.А. Русско-шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1910*). В результате в исследовании русско-шведской войны 1808–1809 гг. был достигнут несомненный успех, который в последующем отечественными исследователями так превзойти пока еще не удалось.

В то же время однако продолжалось также научное осмысление, может быть, одной из самых популярных исследовательских тем по истории XVIII-го века, связанной с изучением событий Великой Северной войны. Именно тогда началась активная разработка отдельной, но до этого мало исследованной, т.н. «финской составляющей» хода боевых действий данного периода. В результате, благодаря творчеству основателя Русского военно-исторического общества генералу А. З. Мышлаевскому, стало возможным вывести этот достаточно слабо изученный ранее вопрос на научный уровень. При этом Мышлаевский, также как и Ниве, вначале сумел создать весьма ценную подборку документов, раскрывающих ход боевых действий в 1708–1714 гг. «на Ингерманландском и Финляндском театрах» (*Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. /Документы гос. Архива/. СПб., 1893*), а затем издал и достаточно интересную в научном плане книгу о непосредственных боевых действиях на территории Финляндии в ходе Северной войны (*Мышлаевский А.З. Петр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 годах. СПб., 1896*).

Тем не менее, наряду с военно-историческими вопросам, которые стали активно подниматься в то время исследователями Петербурга, ко второй половине XIX века все решительнее столичные ученые начали еще касаться внешнеполитических аспектов, затрагивающих проблему положения Северной Европы в системе межгосударственных отношений предшествующих эпох. В частности, в 1868 г. член Императорского Русского исторического общества, директор Государственного архива в Петербурге К. К. Злобин подготовил работу о дипломатических отношениях России и Швеции в период правления Александра I. Исследователь довел свое изыскание до момента присоединения Финляндии к России (*Злобин К. К. Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I до присоединения Финляндии к России. СПб., 1868*). Эта работа явилась практически первой отечественной научной разработкой сюжетов, связанных с дипломатической борьбой на Балтике рубежа начала XIX в. Однако, как в последствии было отмечено, книга К. К. Злобина была не лишена недостатков, поскольку, по мнению петрозаводского историка И. И. Кяйвяряйнена, «автор этого сочинения впадает в упрощенчество, когда бездоказательно возлагает всю ответственность за возникновение войны на одну Швецию».

Но в целом, изучение истории международных отношений на Балтике уже пробивали себе тогда дорогу. Объективно самым признанным и одним из основных историков, который серьезно затронул вопросы международной истории стран Северной Европы, стал финляндец по происхождению,

профессор Г. В. Форстен. Он являлся выпускником Санкт-Петербургского Императорского университета, где в 1885 г. защитил магистерскую диссертацию «Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI веках». Эта работа, фактически, оказалась первым в России глубоко научным исследованием, отражающим историю международных отношений стран Балтийского региона. Как затем отмечалось, в ней отсутствовали проявления любых форм «провинциализма или национализма». Развивая же исследуемую тему, Г. В. Форстен продолжил свою научную работу и в итоге в марте 1894 г. в Петербургском университете защитил двухтомную докторскую диссертацию: «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях» (Т. 1, 2. СПб., 1893–1894). Работа оказалась уникальным историческим исследованием. Она была основана на колоссальном привлечении зарубежных архивных источников. Несомненно, что именно стараниями Г. В. Форстера в нашей стране была заложена база отечественной скандинавистики, а петербургская историческая школа стала одним из важных научных центров по изучению истории стран Северной Европы. К тому же в Санкт-Петербурге у Форстена появились ученики и последователи. Уже в 1894 г. университет закончил М. А. Полиевктов, который затем в 1907 г. издал монографию – «Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725 гг.)» (СПб., 1907), став также профессором Петербургского университета. В то же время, с 1907 по 1909 гг., в Императорском Санкт-Петербургском Археологическом институте учился еще один в будущем известный исследователь т.н. «балтийского вопроса» XVII в. Г. А. Замятин.

Одновременно, на рубеже веков в Петербурге также начали еще издаваться книги по религиозным аспектам истории Швеции и Дании (Дементьев Г. *Введение реформации в Швеции*. СПб., 1892; Дементьев Г. А. *Введение реформации в Дании*. СПб., 1900), что уже свидетельствовало об изменении определенных акцентов в изучении стран Северной Европы. Более того, в 1907 г. был опубликован краткий перевод новой книги по истории Дании (Геделунд Л. Н. *История Дании*. СПб.; М., 1907). Все это указывало на расширении в России научных представлений о Скандинавии и об ее истории.

Однако менее изученной оставалась история Финляндии. О ней писалось только в плоскости рассмотрения проблем европейской дипломатии и решения т.н. «балтийского вопроса». Это не создавало более или менее стройного представления о конкретной финской истории, поскольку популярные в XIX в. исторические сюжеты, как отмечали впоследствии отечественные скандинависты, могли лишь достаточно неполно затрагивать весьма важные для истории этого государства вопросы.

В этом отношении представляют определенный интерес первые работы, которые непосредственно касались проблем собственно истории финского народа. По имеющимся научным представлениям в 1877 г. была издана книга — «О древней культуре западных финнов по данным их языка» — выпускника Санкт-Петербургского университета, известного российского филолога, действительного члена Петербургской Академии наук Л. Н. Майкова (*Майков Л. Н. О древней культуре западных финнов по данным их языка. По соч. д-ра Августа Алквиста: Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen. /Культурные слова в западно-финских языках. Вклад в историю древней финской культуры/*. СПб., 1877). Выход в свет этого произведения уже явно свидетельствовал о начинающемся нарастающем внимании к истории Финляндии, которое теперь стало пробуждаться в академических кругах Петербурга. Это было тем более показательно, поскольку до этого соседняя с российской империей страна рисовалась преимущественно как «убогий и дикий край».

Однако сам процесс исторического осмысления прошлого приобрел в России в большей степени публицистический или околonaучный характер. Причем это относилось не только к работам, посвященным Финляндии и ее истории. Подобный подход был характерен для сочинений, касающихся Скандинавии в целом. В частности, в тот период появились работы в последствии известных литераторов — выпускницы Смольного института благородных девиц Е. Н. Водовозовой (*Жизнь европейских народов. Т. 2. Жители Севера. СПб., 1889*) и выпускницы историко-филологического факультета Высших женских курсов в Петербурге Т. А. Богданович (*Страна, правительство и народ Швеции. СПб., 1906*). В 1897 г. в Петербурге вышла также брошюра «*Скандинавы*». Она была подготовлена писателем и школьным учителем Ф. Ф. Пуцыковичем, который в свое время тоже закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

Выход данных работ во многом можно объяснить тем, что скандинавские страны в глазах петербургской общественности становились достаточно любопытными и даже, может быть, интересными в научно-популярном плане государствами. Как отметил профессор А. С. Кан, в России «былое пренебрежение сменилось где-то в 90-х годах XIX века восхищением; увлекались самыми разными достижениями шведов и датчан, будь то в сфере молочного хозяйства, семеноводства и лесоводства, в сфере лечебной гимнастики, ручного труда в школе» и т.д. Тогда же в Петербурге стали обильно издаваться брошюры российских деятелей

науки и культуры, в которых предпринималась попытка передать читателю свои впечатления от знакомства со Скандинавией. в момент уже становившихся частыми посещениями этих стран российскими туристами (*Грот Я. К. Записка о путешествии в Швецию и Норвегию. СПб., 1874; Коптев А. Путевые заметки по Швеции и Норвегии в 1892 г. СПб., 1893; [Краевский Д.] Беглые заметки туриста о Швеции и Норвегии. СПб., 1891 и др.*). Все это говорило о том, что интерес к скандинавским странам у общественности России стремительно вырос. Однако научно-исторические представления о них оставались на достаточно низком исследовательском уровне.

Ярким примером тому может служить изучение в данном случае истории Норвегии. Еще в 1837 г. в Журнале Министерства внутренних дел была опубликована первая, в общем-то, научная статья – «Три древние договора руссов с норвежцами и шведами». Эта работа принадлежала перу будущего академика П. Г. Буткова, который ранее некоторое время являлся чиновником по особым поручениям при финляндском генерал-губернаторе. Именно это назначение, а также служба в Совете министерства внутренних дел, возможно, подвигло его к изучению сюжетов истории взаимоотношений стран Северной Европы и России. Сама же подготовленная им статья, тем не менее, долгое время являлась единственным произведением, в котором лишь в определенной степени затрагивалась история Норвегии.

Однако ситуация начала меняться. Внимание к истории норвежского государства в России резко усилился, когда в 1905 г. эта страна отделилась от Швеции и провозгласила свою независимость. Причем, очевидно, что в тот период, сама проблема, связанная с обретением ее независимости, несомненно, начала вызывать растущий интерес у российской общественности. Журнал «Исторический вестник» писал, что «маленькая Норвегия» вызвала «всесветный восторг своим чудным единодушием в решительную минуту борьбы за независимость» (*Исторический вестник, 1908, № 7*). В целом, на рубеже XIX–XX вв. о Норвегии появилось довольно большое количество научно-популярной литературы. Она затрагивала преимущественно этнографические и географические аспекты, нося в большинстве своем сугубо описательный характер (*Гёбель Г.Ф. К вопросу о колонизации Лапландии. СПб., 1909; Крюков Н.А. Норвегия. Сельское хозяйство в Норвегии в связи с общим развитием страны. СПб., 1899; Кулакова-Горт Е. Я. Норвегия. СПб., 1909 и др.*).

Одновременно стал проявляться и интерес к вопросам, которые в большей степени были связаны с исторической наукой. В данном отношении,

несомненно, серьезное внимание заслуживает книга – «Поездки скандинавов в Белое море» (СПб., 1906). Эта работа была подготовлена и издана филологом-скандинавистом, преподававшим в Санкт-Петербургском университете, профессором К. Ф. Тиандером. В книге автор постарался разобраться в древних скандинавских эпических произведениях – сагах, раскрывающих наиболее раннюю историю Норвегии, а также Исландии. Тиандер, таким образом, сделал значительный шаг в научном раскрытии практически мало исследованной до этого в России темы, связанной с эпохой викингов. Его произведение, которое было опубликовано «по постановлению Историко-Филологического Факультета» университета, свидетельствовало об уже явном нарастании в академических кругах Петербурга интереса к ранней скандинавской истории.

Относительно же освещения произошедшего в тот период разрыва шведско-норвежской унии, то он в России оценивался по-разному. В условиях нарастания в Норвегии движения за отделение от Швеции, здесь пытались дать этому соответствующую прежде всего политическую характеристику. Причем международный аспект выступал тогда, как один из наиболее важных с точки зрения рассматриваемых происходивших событий. Свидетельством тому было большое количество статей, которые стали появляться преимущественно о Норвегии в журнале «Известия Министерства иностранных дел». Вообще обретение Норвегией независимости было воспринято в России позитивно, но в большинстве своем здесь все же обращались лишь к описательной стороне этого вопроса.

Тем не менее, на рубеже конца XIX – нач. XX-го в. в Петербурге наряду с явно повышенным интересом к Скандинавии, больше внимания стали также уделять и Финляндии. Причем во многом данное явление было тоже продиктовано политическими обстоятельствами, но связано оно было с совершенно противоположным поводом. Дело в том, что именно тогда в Петербурге перешли в наступление на финляндскую автономию, пытаясь ограничить возможные тенденции к отделению Финляндии от России. Как заметил петрозаводский исследователь И. И. Кяйвяряйнен, «во второй половине 80-х годов царизм начинает производить полную переоценку ценностей по отношению к этой окраине». В результате, теперь для российских властей требовалось уже организация идеологического обоснования начавшейся тогда т.н. «русификации». Как следствие этого об истории и современном политическом положении Финляндии было издано в Петербурге небывалое до этого количество работ (Головин. *Листки из настоящего и прошлого Финляндии*. СПб., 1891; Финляндия. – СПб., 1898; Сергеевский Н. Д. *К вопросу о коренных*

законах в.к. Финляндского. СПб., 1899; Головинский М. В., Ядрышев Н. К. История финского народа. СПб., 1901; Бородин М. Финляндия в русской печати. Материалы для библиографии. СПб., 1902; Бородин М. М. Финляндский вопрос. СПб., 1905; Лялина М. А. Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия. СПб., 1908; Бородин М. М. Краткая история Финляндии. СПб., 1911; Тризна Д. С. Финляндия за 100 лет в составе России (1809–1909). СПб., 1911 и др.).

Тем не менее, несмотря на явно возникшую сугубо идеологического характера политическую востребованность в публикациях работ по «финляндскому вопросу», научная составляющая этих исследований тоже очевидно стала укрепляться. В этом плане яркими и достаточно обстоятельными явились книги ряда авторов, работающих в Петербурге. Прежде всего, весьма интересным представляется книга царского сановника К. Ф. Ордина, в которой он непосредственно коснулся российско-шведско-финляндских отношений. Его сочинение неоднозначно было воспринято в определенных кругах России. Труд К. Ф. Ордина, по мнению публициста и историка Б. Б. Глинского, например, был, «гносной книгой, враждебной к любому проявлению вольнодумства, любой свежей мысли».

Подобное отношение к данной работе очевидно было вызвано в большей степени также политическими соображениями ряда представителей российской общественности. Но К. Ф. Ордин тоже давал для этого соответствующий повод, поскольку его нельзя было считать в строгом смысле историком-профессионалом. В Санкт-Петербургском университете он получил сугубо естественно-научное образование. К тому же, после окончания университета К. Ф. Ордин поступил на государственную службу и дослужился до чина гофмейстера Двора Его Императорского Величества, а также тайного советника состоявшего при министре внутренних дел. Тем не менее, интерес к истории привел его к тому, что в 1889 г. им все же было издано двухтомное сочинение «Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам» (Т. I–II. СПб., 1889).

Значение самого этого произведения, прежде всего, заключалось в том, что здесь впервые в отечественной историографии предпринималась попытка, представить российскому читателю объемную историю российско-шведско-финляндских отношений. Как тогда вполне справедливо заметил сам автор: «Политические отношения России и Финляндии, бесспорно, принадлежат к числу тех предметов, о которых мы русские имеем весьма неопределенное представления».

Другим же обстоятельством, которое явно подтолкнуло К. Ф. Ордина к началу исследования указанной темы, было очевидно то, что он смог познакомиться с рядом издававшихся ранее работ, касающихся российско-скандинавских отношений и написанных финскими и шведскими авторами. Содержание этих книг явно не соответствовало представлениям Ордина. Как он отметил: «...Образовалась уже по этому предмету на шведском и других иностранных языках целая литература, которая с примерным единодушием приводит понятия ее вырабатываемые и укореняет их в общем сознании не только у себя дома, но и за границей и даже у нас». Конкретно, у него вызывала отторжение мысль, активно пропагандировавшаяся тогда в финских и шведских исследовательских работах, о том, что присоединение Финляндии к России явилось условием, при котором Великое княжество начало формироваться в качестве «независимого государства», поскольку «сумела отвратить от отечества (Финляндии) опасность владычества, основанного на победах». В результате, как заметил Ордин, в подобного характера литературе, появилось представление, что Финляндия превратилось уже в «особое государство», где отношение с Россией начали формироваться по принципу унии двух равноправных стран. Это, собственно, очевидно, и заставило автора начать свое исследование. В итоге появилось двухтомное сочинение, где вначале автор сосредоточился на раскрытии русско-шведско-финских отношений, начиная с раннего средневековья и заканчивая войной 1808–1809 гг. Второй том его произведения целиком посвящался условиям присоединения Финляндии к России, которое явилось результатом поражения Швеции в войне, «отдавшей Финляндию окончательно в собственность России».

С момента издания книг К. Ф. Ордина задача раскрытия истории Финляндии и российско-финских отношений в отечественной историографии стала четко решаться с позиций «освещение финляндских дел с русской точки зрения». Это подтвердила целая серия монографий, написанных в начале XX-го века русским историком М. М. Бородкиным. Владение шведским и финским языками, позволило Бородину помимо российских источников использовать обширную документальную, исследовательскую и мемуарную литературу, опубликованную в Северной Европе. Научная же плодovitость автора не могла не вызвать восхищения. Он сумел создать за крайне ограниченный срок – семь лет (1908–1915 гг.) весьма объемную семи томную (!!!) историю Финляндии (*История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910; История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб., 1910; История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912; История Финляндии. Время Импера-*

тора Александра I. СПб., 1909; *История Финляндии. Время императора Николая I. Пг., 1915; История Финляндии. Время Императора Александра II. СПб., 1908; Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобринкова. СПб., 1905.*) Неслучайно поэтому в марте 1913 г. М. М. Бородин был избран действительным членом Русского исторического общества. Кроме того он также являлся пожизненным членом Императорского русского военно-исторического общества.

Любопытным, в данном случае является вывод, который автор делал в первом томе своего произведения, относящегося к истории Северной войны. М. М. Бородин особо отмечает мысль, что нищая и разоренная в годы Северной войны Финляндия России была в целом не нужна, а сама ее захват прежде всего был вызван военно-стратегическими замыслами царя и связан только с необходимостью продолжения войной. Эта утверждение, являлась достаточно важным, поскольку к этому времени за рубежом уже четко сложилось представление о том, что Россия традиционно мечтала даже не столько о захвате финской территории, а продолжала и вплоть до начала XX в. еще угрожать Швеции, да и Норвегии.

В целом, можно говорить, что в дореволюционной русской историографии уже явно обозначились определенные приоритеты в изучении истории скандинавских стран и Финляндии, а петербургская историческая школа скандинавистов, фактически, заложила основы для формирования мощного российского центра по изучению истории стран Северной Европы.

Однако, как справедливо заметил профессор А. С. Кан, итоги революции 1917 г., а затем и гражданской войны привели работу по историческому исследованию скандинавских стран «к практическому исчезновению... в Советской России—СССР».

Объективно в то время начала происходить серьезная смена не только поколений исследований, но и отношения к скандинавистике, как науке. Теперь на первый план стали уже выходить работы, в которых прежде всего обращали внимание на социально-классовые и экономические сюжеты развития стран Северной Европы. Преемственность могла наблюдаться в 20–30-е гг. лишь в том, что как, в свое время, основатель российской скандинавистики Г. В. Форстен, так и новые авторы, работавшие в Петрограде/Ленинграде, представляли собой исследователей, переехавших в Россию из Финляндии. Это были политические эмигранты, т. н. «красные финны», которых теперь, прежде всего, интересовали проблемы революции, а вслед за ней предполагались еще исследования касающиеся вопросов современной социально-классовой борьбы. При этом,

в Ленинграде в большей степени тогда стали заниматься в научном плане лишь ранней историей Северной Европы (*Рыдзевская Е. Древняя Русь и Скандинавия. М., 1978 /посмертное издание/*), а также скандинавскими и финно-угорскими языками. Тем не менее, важнейшее значение тогда сохранили «ленинградские библиотеки – в то время главное в СССР хранилище скандинавских и финских печатных первоисточников».

Действительно, в течение XVIII-го и особенно XIX – нач. XX в. Санкт-Петербургские архивы и библиотеки приобрели значительное количество скандинавских архивных материалов и печатной продукции. В частности, Российская Национальная библиотека и Библиотека Академии наук в XIX-м – нач. XX-го вв. получали, по одному обязательному экземпляру любой печатной продукции изданной, скажем, в Финляндии. Опираясь на эту фундаментальную исследовательскую базу можно было продолжить научно-изыскательскую работу по изучению истории стран Северной Европы. В этом отношении в Ленинграде, таким образом, сохранились хорошие перспективы для дальнейшей плодотворной деятельности историков-скандинавистов, существовали эти перспективы в Ленинградском государственном университете. После многочисленных реорганизаций в сентябре 1934 г. в университете был образован Исторический факультет, где стали работать известные ученые. В результате появилась возможность формирования нового поколения историков, которые занимались изучением стран Северной Европы.

Так в 1935–1940 гг. учеником работавшего на факультете крупнейшего историка Нового времени Е. В. Тарле, написавшего в свое время книгу по истории Северной войны (*Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958*), стал будущий известный скандинавист Г. А. Некрасов. Также с 1936 г. на историческом факультете ЛГУ начал учиться в будущем крупнейший исследователь истории стран Северной Европы И. П. Шаскольский. Уже в 1940 г. им были опубликованы первые печатные работы, посвященные данным историческим сюжетам, а в 1947 г. он защитил кандидатскую диссертацию, относящуюся к ранней истории Северной Европы – «Борьба Новгорода со Швецией и Норвегией до 60-х гг. XIII века». Далее же, фактически, продолжая дело Г. В. Форстена, он явно начал уделять наибольшее внимания т.н. «балтийскому вопросу», что выразилось в том, что в 1965 г. И. П. Шаскольский защитил докторскую диссертацию – «Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством в первой половине XVII в.».

И хотя сфера интересов И. П. Шаскольского находилась в плоскости исследования проблем, связанных с ранней историей, небольшое количе-

ство его работ все же затрагивала вопросы русско-шведских отношений XVII–XVIII вв., где также еще просматривалась и финская история. Тем не менее, как заметил известный отечественный историк-скандинавист, профессор Санкт-Петербургского университета В. Е. Возгрин, «работы И. П. Шаскольского создали ему широкую известность в научных кругах СССР и за рубежом». Более того, за годы научной деятельности И. П. Шаскольский, сумел создать целую школу ленинградских скандинавистов, которые непосредственно изучали определенные проблемы, связанные с историей Нового времени скандинавских стран и Финляндии. В частности, ученики И. П. Шаскольского, выпускники ЛГУ, подготовили целый ряд кандидатских и докторских диссертаций по истории Северной войны. Так, он был научным руководителем Ю. Н. Беспятых, который в 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию (*«Россия и Финляндия во время Северной войны 1700–1721 гг.»*), и в 1990 г. докторскую – *«Западноевропейские источники по истории России первой четверти XVIII в.: (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм)»*, В. Е. Возгрин, который в 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию (*«Русско-датские отношения в 1697–1714 гг.»*), а в 1989 г. докторскую – *«Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697–1710 гг.)»* и П. А. Кротова, который в 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию (*«Строительство Балтийского флота в первой четверти XVIII века»*), в 1999 г. докторскую *«Российский флот на Балтике при Петре Великом»*. Эти работы, выгодно отличались обширным использованием шведских источников и научной литературы, что позволяло говорить о сохраняющихся тенденциях петербургско-ленинградского стиля скандинаведения. Неслучайно профессор А. С. Кан характеризовал И. П. Шаскольского не иначе, как «бесспорный глава ленинградских историков-скандинавистов».

Тем не менее, хотя И. П. Шаскольский и читал лекции на историческом и филологических факультетах ЛГУ, главный центр изучения истории стран Северной Европы в то время сместился на базу Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ) АН СССР, там, где непосредственно работал этой крупнейший скандинавист. Именно здесь объединялись исследователи, занимающиеся изучением истории стран Северной Европы. В результате, начали уже возвращаться определенные утраченные ранее позиции Ленинграду, как одному из основных центров отечественной скандинавистики.

Более того, ленинградские скандинависты стали играть важную роль в формировании новых центров по исследованию истории стран Северной Европы. Так еще после окончания Великой Отечественной

войны И. П. Шаскольский временно 1949–1953 гг. работал в Петрозаводске. Именно это, как представляется, во многом как раз и способствовало становлению в Карелии научной школы по изучению, прежде всего, истории Финляндии. К тому же многие будущие ведущие пертрозаводские специалисты по финской истории, такие как И. И. Кяйвярйнен, М. Н. Власова и др. свои диссертационные работы защищали именно в Ленинграде. Здесь же они осуществляли и свою научно-исследовательскую работу, изучая соответствующие фонды ленинградских архивов. К этому также следует добавить, что и переезд из Ленинграда в Москву в 1946 г. Г. А. Некрасова, несомненно, тоже сыграл важную роль в начале складывания научного центра по изучению скандинавских стран и Финляндии непосредственно в столице СССР.

Таким образом историки Ленинграда сыграли важную роль в становлении и организации советской скандинавистики, а Москва и Перозаводск, наряду с Ленинградом, превратились в важные центры по изучению истории стран Северной Европы. В результате, ленинградские скандинависты, группирующиеся, прежде всего, вокруг ЛОИИ, активно поддерживали начавшееся в конце 1950-х – 1960-е гг. укрепление отечественной школы по изучению истории стран Северной Европы, явились одним из главных стержней в развитии отечественного изучения истории Скандинавии и Финляндии. Неслучайно, поэтому они оказались наиболее активными организаторами и участниками первых регулярных всесоюзных научных конференций по изучению вопросов экономики, истории, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии, а также традиционных двухсторонних советско-финляндских и советско-шведских научных конференций и симпозиумов, посвященных истории, археологии и экономике этих стран.

Кроме того также же явно расширялся круг лиц, кто непосредственно занимался историей стран Северной Европы. В частности, уже в 1960-1980-е гг. проблемам, связанным с революционной и социально-экономической историей этих стран, стали активно заниматься и публиковать первые свои работы такие известные ленинградские исследователи как д.э.н. И. М. Бобович (*Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1968*) и д.и.н. М. М. Короннен (*В. И. Ленин и финляндский путь «Искры». Л., 1981; Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969*). Отдельное направление в исследовании истории Финляндии открыл д.и.н. Н. И. Барышников, который впервые в Советском Союзе, начал с 1960-х гг. исследовать вопросы, связанные с участием Финляндии во Второй миро-

вой войны. В обще сложности, им было по данной проблеме подготовлено около 200 научных работ, в том числе и ряд крупных монографий (*На защите Ленинграда: Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы второй мировой войны. Л., 1978; Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб.; Хельсинки, 2002; Маннергейм без ретуши 1940–1941 гг. СПб.; Хельсинки, 2004; Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007; Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010 и др.*), некоторые из которых были изданы непосредственно в Финляндии.

В результате, заложенные в 1960–1980-е гг. основы по созданию центра изучения истории скандинавских стран и Финляндии в Ленинграде позволили создать непосредственные условия для возрождения в Петербурге нового научного центра по изучению истории скандинавских стран и Финляндии. С 1998 г. в городе стали проводиться ежегодные международные конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», материалы которых затем издавались в соответствующих сборниках (<http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>). С начала XXI в. стали также активно проводиться конференции в Государственном историко-этнографическом музее-заповеднике «Ялкала». На них традиционно начали рассматривать исключительно вопросы, связанные с российско-финляндскими отношениями. Благодаря этому в 2006 г. в издательстве СПбГУ был даже издан сборник материалов трех первых этих конференций. В этом сборнике, названном «От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.», авторы постарались раскрыть свое видение сложных вопросов советско-финляндских отношений накануне и в годы Второй мировой войны.

Показательным также является то, что во всех этих научных мероприятиях весьма активное участие принимали сотрудники кафедры истории Нового и новейшего времени СПбГУ. Кафедра в 2000-е гг. начала решительно возрождать исторические традиции, заложенные в ее стенах еще Г. В. Форстеном. На Историческом факультете СПбГУ приступили к серьезной организации и проведению своих собственных научных конференций, посвященных истории стран Северной Европы, превращая университет в важный научный центр по изучению истории Финляндии.

Несомненно, этому также способствовало то, что на кафедре истории Нового и новейшего времени стали проходить специальные семинарские занятия по истории скандинавских стран и Финляндии, а также подготовлен полнокровный курс лекций по истории стран Северной Европы. Кроме того, также студентам исторического факультета стали даваться курсы лекций, посвященные истории Балтийского региона и истории

северных империй Нового времени, а на филологическом факультете начали читаться курсы по истории Финляндии и истории скандинавских стран. Также для студентов кафедры истории Нового и новейшего времени регулярно организуются семестровые специальные лекционные курсы, касающиеся самых различных аспектов истории стран Северной Европы XVII–XX вв. Все это в комплексе позволяет в достаточной степени освоить историю скандинавских стран и Финляндии в Новое и новейшее время.

В данном смысле учебное пособие «Россия и страны Северной Европы» (Ч. I–II) является изданием, которое в соответствии с уже читаемыми курсами учебных дисциплин, посвященных истории скандинавских стран и Финляндии, направлено на обзорное рассмотрение вопросов связанных с историей межгосударственных российско-скандинавских и российско-финляндских связей, начиная с раннего средневековья и заканчивая современностью. Оно призвано создать у обучающихся комплексное представление об отношениях российского государства со странами северо-европейского региона на протяжении более чем двенадцати веков. В учебном пособии, прежде всего, уделено внимание рассмотрению наиболее сложных аспектов этих отношений, связанных с оценкой как периодов ярко выраженной вражды, которая возникала в историческом развитии связей России со Скандинавией, так временем мирного, а нередко и добрососедского сотрудничества, определяющего большое многообразие существовавших и исторически сложившихся на Севере Европы вековых связей, проживающих здесь народов.

РУСЬ И СКАНДИНАВИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Взаимоотношения Древнерусского государства со странами Северной Европы

Самая ранняя история взаимоотношений восточных славян с народами Северной Европы связана с началом проникновения скандинавов в глубь европейского континента. С середины VIII в. представители Скандинавии уже начинают отправляться на восток и, проходя водным путем через Финский залив и Ладожское озеро, сталкиваются со славянскими племенами, проживавшими южнее этих мест. Прежде всего скандинавы знакомятся со славянами находящимися в районах верхнего течения реки Волхов и у северо-западного побережья озера Ильмень, где к концу I тысячелетия н.э. уже начал формироваться центр пришедших сюда еще ранее представителей северной группы восточных славян.

Особое место в этом процессе занимают земли у реки Волхов, а также их важные населенные пункты – Ладога (ныне поселок Старая Ладога) и Рюриково городище (территория в 2 км южнее Новгорода). В Ладоге, в частности, археологи обнаружили наиболее ранние скандинавские находки. Они относятся к 750-м годам. Археологическими материалами подтверждается факт проживания здесь выходцев из Скандинавии, т.е. их пребывание на территории Древней Руси. В свою очередь и Новгород представлял собою важный пункт, где прослеживается развитие русско-скандинавских отношений. Характерно, что о Новгороде речь идет и в древних скандинавских источниках, правда, он именуется в них Хольмгардом.

Вообще же самым важным по своему историческому значению документом, в котором описывается связь Древней Руси со скандинавами, является «Сказание о призвании варягов» в начальной части знаменитой «Повести временных лет» – общерусского летописного свода, составленного в XII в. Как известно, там говорится о том, что примерно в 862 г. на Волховских землях появился скандинавский викинг (варяг) – легендарный Рюрик, приглашенный туда вместе с его братьями, славянскими и финскими племенами, чтобы управлять на их территории в обстановке возросшей опасности со стороны викингов, осуществлявших свою экспансию на восток. Как отмечает известный петербургский археолог профессор А. Н. Кирпичников в работе «Викинги и славяне», «смысл приглашения чужестранцев, очевидно, заключался в стремлении привлечь опытного полководца с отрядом воинов, в данном случае Рюрика, чтобы

он смог защитить славянских и финских конфедератов... Выбор полководца оказался удачен, до конца X столетия скандинавы не отваживались нападать на северные земли Руси».

Как можно судить по последним исследованиям, большинство ученых по существу не выражает сомнений в реальности факта приглашения скандинавов, хотя среди историков и других специалистов уже более 250 лет идут споры относительно степени достоверности «Сказания о призвании варягов». Что касается историчности личности Рюрика, то это обычно признается. Отмечается его возможное датское происхождение из знатной семьи, участие в ряде морских военных походах в европейские страны и не исключается факт проникновения его с отрядом датчан на Ладогу. За время своей активной деятельности он стал опытным полководцем и дипломатом. Допускается, что, в конечном счете, когда он находился в Швеции, то получил там приглашение отправиться в пределы Руси (по предложению ладожского посольства) и обосновался первоначально в Ладоге, а затем уже основал новое поселение, известное теперь как «Рюриково городище». Впоследствии Новгород превратился в его укрепленную резиденцию. Объединив ряд городов и областей, Рюрик стал первым древнерусским князем. Правление его длилось 17 лет (с 862 г. по 879 г.). Но со своей родиной – Данией он, по всей видимости, не порывал, имея там собственные владения.

Могучая держава – «империя Рюриковичей» со столицей в Киеве сложилась уже при последующем князе Олеге. К тому же в течение X в. ославянившиеся приемники Рюрика еще более усилили государство, освободив часть славянских земель из-под власти хазар и выдвинули западную границу Руси к Дунаю и Черному морю. Тем не менее как новгородские, так и киевские князья IX– первой половины X вв. имели явно скандинавские имена: Рюрик (*Rörik*), Олег (*Helge*), Игорь (*Ingvar*), Ольга (*Helga*). Но одновременно наблюдалась постепенная ассимиляция в славянской среде рюриковичей и их немногочисленных варяжских дружин, которые нанимались в Новгород, Киев, Смоленск, Чернигов и другие русские города. Варяги начали воспринимать славянские обряды и поклонение славянским богам. Происходило также взаимное обогащение соседних народов в области культуры, восприятие определенных черт славянского быта и традиций. При этом, по мнению профессора А. С. Кана, «в условиях славяно-скандинавского симбиоза древнерусское общество развивалось быстрее и успешнее, чем шведское».

Более того сам процесс оседания на Руси выходцев из Скандинавии положительно влиял на развитие более тесных политических, экономи-

ческих и культурных контактов славян с североευропейским регионом. Данному процессу активно способствовали, установлены на рубеже IX–XI вв., устойчивые международные торговые связи через территорию Древнерусского государства между Скандинавией и Восточной Европой, а также Византией. Эти торговые коммуникации, пролегающие по древнерусской земле, получили название «путь из варяг в греки». В скандинавских источниках сохранились известия о торговых поездках прежде всего шведских, а также норвежских купцов по русской земле.

Тем не менее в конце X столетия при князе Владимире I была предпринята также и безуспешная попытка овладеть Киевом дружиной варяжских наемников. При этом в целом набеги викингов на Русь в это время тоже оставались достаточно частым явлением. Но в основном они касались прежде всего новгородской территории. В результате варяжский поход на Киев времен Владимира I являлся довольно редким случаем в отношениях между Древнерусским государством и Скандинавией, поскольку обычно подобные набеги не затрагивали центральных районов страны. Такие походы зачастую к тому же перемешивались с торговыми или торгово-вооруженными экспедициями, в которых сугубо «коммерческая» деятельность со своими соседями могла быстро перерасти в обыкновенную грабительскую операцию и даже привести к возникновению военного конфликта.

Со своей стороны новгородцы обычно легко отражали подобные набеги, и сами в свою очередь участвовали в аналогичных же операциях, направленных против скандинавов. Эти походы организовывались как правило летом. Они носили быстротечный характер и нередко были неожиданными для противника. Тогда, используя небольшие маневренные ладьи, новгородцы совершали кроткие (до двух суток) чисто локальные набеги на определенные весьма узкие участки побережья Северной Европы, в основном там, где располагались какие-либо мелкие поселения. Новгородские морские дружины доходили в то время до территорий, где сейчас находятся такие города, как Порвоо (Борго), Турку (Або) и даже Стокгольм.

Подобные походы не носили характер войн между двумя странами. Более того возникновение Древнерусского государства несколько опережало создание ближайшего соседнего с Русью первого шведского государства – Свеарике (Свея). Хотя, как считают некоторые исследователи «в пору расцвета Киевской Руси шведы и русские имели примерно тот же культурный уровень». В целом же, лишь только с окончательным оформ-

лением государственной власти в обеих странах можно было вообще говорить о войнах и об определении границ между ними.

Однако, очевидно, что русское государство уже со времени своего образования имела, сохраняла и усиливала политические контакты со Скандинавией. Особенно отчетливо это было заметно после распада во второй половине X в. норвежского королевства. Тогда вследствие начавшейся в древнем скандинавском государстве междоусобицы многие представители королевского рода стали скрываться на территории Руси, в частности, в Новгороде и Киеве, где их достаточно охотно принимали русские князья.

Так в Древнерусском государстве в 70-е гг. X в. по политическим мотивам находился будущий норвежский король Олаф I Трюггвасон. Некоторое время он жил в Новгороде. Кроме него при дворе киевских князей служили, а затем возвращались в Норвегию для борьбы за трон будущие норвежские короли Олав II Харальссон Святой и его сын – Магнус I Благородный. Причем Магнус после гибели своего отца был принят Ярославом Мудрым в его семью и даже усыновлен. Далее в начале XI века Магнус при поддержке Ярослава стал королем Норвегии, а затем и Дании. В середине XI в. в дружине киевского князя Ярослава находился также Харальд, ставший в последствии королем Норвегии под именем Харальд III Суровый Правитель.

Показательно, что подобные явления случались и с великими киевскими князьями. В частности, считается, что Владимир I тоже укрывался в Норвегии, найдя приют у короля Хокона II Сигурдссона. Причем, при его же приемнике Магнусе V Эрлингссоне, как отмечает известный исследователь-скандинавист В. В. Похлебкин, «именно в это время, в 70–80-х гг. X в., в период взаимных посещений русских и норвежских монархов, и была зафиксирована русско-норвежская граница на севере Норвегии. Она прошла по Люннг-фьорду (Люнген-фьорду), лежащему к востоку от г. Тромсе и проходящему в меридиональном направлении». Таким образом стали уже очерчиваться первые границы Древнерусского государства на севере.

Характерно, что уже с X в. начало наблюдаться и устойчивое развитие династических связей Руси со Скандинавией. Владимир I одной из своих жен выбрал норвежку Рогнеду, а норвежский король – Харольд Суровый Правитель женился на Елизавете (Ellisiv) – дочери Ярослава Мудрого. После того, как Харольд умер, Елизавета вышла замуж за датского короля Свена Эстридсона. Вместе с тем Ярослав Мудрый породнился с одним из первых шведских королей Олофом Скётконунгом, взяв в жены его дочь

Ингигерду (Марию). Позднее великий князь Мстислав Владимирович (внук Ярослава Мудрого) женился на шведской принцессе Христине, а его две дочери Мальмфрида и Ингеборг вышли замуж соответственно за норвежского короля Сигурда и датского принца Кнута. Далее, родившийся у Ингеборг сын стал впоследствии датским королем Вальдемаром I, нареченным, как считается, в честь своего прадеда Владимира Мономаха.

В целом скандинавское влияние на Русь того периода проявлялась, начиная от установившегося тогда в Древнерусском государстве порядка престолонаследия и кончая погребальными обычаями. Определенные заимствования из Скандинавии также наблюдаются и в древнерусском языке, в устном народном творчестве (былины), в названиях ряда местностей и т.д. Но, по мнению историка-скандинависта А. С. Кана, «распад Киевской державы... и распространение северогерманских купцов по всей Балтике положил конец русско-скандинавским связям древнейшего исторического периода».

Борьба за господство в восточной части Балтийского моря

Русско-скандинавские политические, экономические и культурные связи, возникшие еще на заре государственного становления как на Севере, так и на Востоке Европы, стали однако постепенно несколько угасать. При этом явно начал наблюдаться четкий региональный принцип, где, фактически, только Новгород оказался единственным центром, соединяющим Древнерусское государство со Скандинавией. Сами же эти связи выражались теперь прежде всего в сохраняющихся торговых контактах с государствами Балтийского моря. Но одновременно началось и весьма серьезное противостояние обозначившейся к этому времени тенденции военной экспансии скандинавов на Восток.

Уже около 1157 г., когда королем Швеции являлся Эрик Святой, был предпринят и первый крестовый поход на Восток с целью покорения территории Финляндии. Это привело к серьезному столкновению интересов скандинавов с Древнерусским государством. Новгородской дружине пришлось решительно противодействовать шведскому проникновению в западную часть Финляндии. Развернулась длительная вооруженная борьба со Швецией.

Одновременно именно тогда возникла и первая граница Древнерусского государства со Швецией, поскольку завоеванные шведскими рыцарями территории финского племени суоми (сумь) начали уже сопри-

касаться с подчиненными новгородцам землями племен хямя (емь) и карел. Тем не менее, как отмечает исследователь В. В. Похлебкин, «ни шведские, ни русские источники, доступные нам в настоящее время, не позволяют ныне установить ни подлинную дату начала фиксирования русско-шведской границы, ни даже саму первоначальную линию этой границы».

Захватив все же прибрежную часть Финляндии, шведы стали выдвигаться дальше на восток, к Карельскому перешейку. По летописным данным, они в 1164 г. пытались уже выйти к Ладожскому озеру, но потерпели поражение. После этого по территории контролируемой Швецией в юго-западной Финляндии дважды – в 1178 г. и около 1198 г. новгородцы наносили ощутимые удары. В частности в ходе боевых действий в 1178 г. новгородская дружина даже сумела захватить главу шведских владений в Финляндии и он был увезен в качестве пленника в Новгород. Дважды за двадцатилетний период новгородцы уничтожали (сжигали) центр расположения шведского управления в Финляндии при выходе к побережью Ботнического залива.

Кроме того по шведским источникам известно, что в 1187 г. новгородцы сумели захватить и разрушить главный город Швеции Сигтуну. В «Хронике Эрика» об этом было записано:

«Город сожги и исчезли в дали.

Спалили дотла и многих убили.

Город с тех пор так и не возродили».

В целом, боевые действия дружин новгородцев были столь значительными для истории Швеции, что именно после указанного набега была даже основана новая столица государства – Стокгольм.

Новый этап борьбы между Швецией и Новгородом приходится уже на двадцатые годы XIII в. Он выражался в том, что тогда началось шведское проникновение в центральную Финляндию и оно приобретает весьма активные формы. Чтобы пресечь это новгородский князь Ярослав Всеволодович (отец Александра Невского) предпринял в 1227 г. поход в Финляндию, стремясь восстановить там прежние вассальные отношения с племенем хямя, нарушенные до этого шведами. Хямя же тогда само начало пытаться активно выступать против шведского господства, что осложняло дальнейшее проникновение Швеции на восток. В конечном счете, в шведском королевстве приняли решение нанести удар не только по хямя, но и по Новгороду, тем более, что нашествие татар ослабило Русь. В шведские планы входило выйти к берегам Невы и Ладожского озера, а в случае удачи захватить затем сам Новгород.

В июле 1240 г. рыцарское войско двинулась из Швеции на кораблях через Финский залив в поход на Русь. Как было отмечено в летописи, «шатаясь безумьем своим, хотящи въсприяти Ладогу и Новгород и всю область Новгородскую». Этим силам дали у берегов Невы и Ижоры бой новгородцы во главе с молодым князем Александром Ярославичем. Русское войско нанесло там 15 июля внезапный удар по шведам, которые только высаживались с судов, сковав при этом действия тех, кто остался на кораблях. Особенно отличились тогда войны конной дружины. С наступлением темноты шведы, понесшие большие потери, обратились в бегство, пустив свои суда вниз по течению Невы в сторону Финского залива.

Тем не менее, продолжаться пользоваться ослабленностью Руси в условиях татаро-монгольского ига, шведы все же не оставляли замыслов относительно своего утверждения в Финляндии и продолжения дальнейшего продвижения на восток. В 1256 г. Александру Невскому пришлось отражать наступление шведов у берегов Наровы, откуда они создавали угрозу Новгороду. Изгнав их оттуда, он в том же году совершил поход в центральную Финляндию, оказывая поддержку антишведскому выступлению населения хямья. Но, после его ухода от туда, шведам вскоре удалось восстановить в Финляндии утраченное положение. Рубеж по реке Кюмийоке стал в результате уже новой границей между Швецией и Новгородским государством. Таким образом к данному периоду времени четко обозначилась первые пограничные рубежи русского государства и со шведским королевством.

В это же время начала уточняться граница и с Норвегией. Дело в том, что тогда норвежское королевство достигла наивысшего расцвета и наряду с бурным развитием экономической, политической и культурной жизни страна добилась своих максимальных территориальных размеров в эпоху средневековья. Государство значительно увеличилась за счет ряда шведских земель. В 1262 г. также была присоединила к ее территории и Исландия. В тех обстоятельствах стали возникать уже норвежско-русские территориальные противоречия.

Норвегия тогда начала усиленно стремиться обложить данью кочевой народ саамов, проживавший на бескрайних просторах европейского севера от Ледовитого океана до Ботнического залива, а также Ладожского и Онежского озер. Уже на рубеже XII–XIII вв., на крайний север этой территории устремились и новгородцы, которые тоже пытались поставить в экономическую зависимость саамов, облагая их данью. В результате стали развиваться серьезные противоречия между Новгородом и норвежским королевством, поскольку на территории Кольского полуострова и Фин-

маркена уже в первой половине XIII в. начали возникать вооруженные столкновения двух государств. Что касалось саамов, то они тогда вынуждены были одновременно платить сразу две дани – Новгороду и Норвегии.

Чтобы урегулировать возникший конфликт новгородский князь Александр Невский решил вступить в контакты с норвежским королем. В 1251 г. между двумя странами начались активные переговоры об урегулировании возникших пограничных конфликтов. В результате удалось заключить первый в истории российско-норвежских отношений официальный договор. При этом, как отмечал известный отечественный историк-скандинавист И. П. Шаскольский, «договор положил начало постоянной системе отношений между двумя государствами».

По данному договору территория от западной границы Финмаркена (Люнген-фьорда) до восточного берега Кольского полуострова становилась общей территорией для сбора дани с саамов, как норвежцами, так и русскими. Это положение отсутствия четкого определения общих границ между двумя странами просуществовала в течении трех с половиной столетий, вплоть до начала XVII в.

Вместе с тем наряду с существованием русско-норвежских территориальных споров наблюдалось стремление другого скандинавского государства – Швеции продолжить выдвижение своих границ на восток и овладеть Карельским перешейком. На этой территории проживали карелы, которые в большинстве своем поддерживали власть Новгорода и проводившуюся им политику.

С начала 1280-х гг. шведы трижды прибегали к силе оружия, действуя у побережья Карельского перешейка против новгородцев. Но в 1293 г. Швеция предприняла крупную вооруженную акцию направленную на подчинение территории Карельского перешейка. Во главе шведских войск стоял Торкель Кнутссон. Его дружина на кораблях была доставлена к северному побережью Выборгского залива. Там, вблизи существовавшего тогда западного устья реки Вуокса, шведские рыцари высадились на берег. Взяв штурмом, находившееся на одном из небольших скалистых островов карельское поселение, они быстро в этом месте построили сильные укрепления, дав этим сооружениям название крепость Выборг. В результате, здесь стал складываться своеобразный центр, призванный осуществить задачи утверждения шведской власти на захватывавшейся территории Карельского перешейка.

Новгородцы, естественно, пытались всячески этому помешать. В марте 1294 г. они собрали небольшое войско, которое двинулось в направлении Выборгского залива. Возглавил его князь Роман Глебович. Однако

когда 30 марта русская дружина подошла к замку и постаралась его захватить, штурм оказался неудачным.

Последующая борьба между Древнерусским государством и Швецией здесь приобрела длительный характер, затянувшись на 30 лет. События развивались так, что в 1295 г. шведы дальше двинулись к Ладожскому озеру, где у соединения его с рекой Вуокса находился центр карельского населения – Корела. Сравнительно небольшое шведское войско (100 человек), выйдя из Выборгского замка, быстро подошло к Кореле и без особого труда овладело им, взяв слабо укрепленную деревянную крепость.

После этого новгородцы решили собрать большую дружину с тем, чтобы разгромить вражеский отряд и освободить крепость Корела. После начала новгородцами осады этой крепости, длившейся шесть суток, ее защитники

«Вышли наружу,.. чтоб драться.

Дальше им было не продержаться.

Сил у них было еще слишком мало.

Много от голода их погибало» – так утверждается в рифмованной «Хронике Эрика». Но при попытке прорваться сквозь кольцо окружения, шведский отряд был разбит.

«Вот как русские крепость ту взяли.

Сами ее с той поры управляли» – печально затем было записано в средневековом шведском историческом источнике.

С победой же новгородцев под стенами Корелы и освобождением города обстановка на карельской земле сложилась к концу XIII в. так, что западная ее часть осталась под властью Швеции, а восточная – Приладожье сохранилось за Новгородом.

После неудачи с захватом Приладожья в Швеции на рубеже XIV столетия вызревает план направить главное внимание в своей завоевательной политике на выход к берегам Невы, овладев всей западной частью Карельского перешейка. Но первоначальный удар намечалось нанести не путем продвижения войск из Выборга в юго-восточном направлении, а путем выхода к устью Невы морем, через Финский залив. Для этого Торкель Кнутссон опять собрал большое войско и, посадив его на корабли, двинулся с ним в мае 1300 г. из района Стокгольма к устью Невы.

Достигнув Невы, Кнутссон высадил свои войска на побережье в месте впадения в нее реки Охта. Здесь шведы приступили к строительству крепости названной Ландскрона. Затем отряд из 800 человек на судах отправился по Неве к побережью Ладожского озера. Это было сделано с целью

задержания новгородского войска, которое по поступавшим к шведским рыцарям сведениям, собиралось напасть на строившуюся шведами крепость. Однако, в момент, когда на кораблях дружина Торкеля Кнутссона вошла Ладожское озеро, как свидетельствуют источники, там начался сильный шторм и шведским судам не удалось встретиться с русским войском. Отряду Торкеля Кнутссона пришлось пристать к ладожскому берегу Карельского перешейка и ограничиться лишь грабежом местного населения. После этого суда отправились в обратный путь и таким образом возвратились в Ландскрону.

Осенью того же года Кнутссон с основной частью своего войска отплыл обратно в Швецию, оставив в Ландскроне лишь небольшой гарнизон. Но оставшихся шведов постигла печальная участь. Весной 1301 г. к Ландскроне подошли русские войска. Они штурмом взяли крепость и полностью ее уничтожили.

В дальнейшем события свидетельствовали об активизации военных действий новгородской дружины и проведением ею ряда удачных операций против шведских войск. Закрепляя свои позиции на Карельском перешейке, и, соорудив уже каменную крепость в Кореле, новгородцы предприняли в 1311 г. поход в центральный район Финляндии, где согласно летописи, придали огню «Ванай-город», который находился, по-видимому, на месте современного г. Хямеенлинна. В 1314 г. была также предотвращена попытка Корелы отойти от власти Новгорода.

Новгородцы провели кроме того весьма успешную морскую операцию в 1318 г. против шведов в юго-западной части Финляндии. В результате осуществления стремительного проникновения к ее берегам ими был взят, а затем и разрушен замок Або - главный центр шведских владений в Финляндии. Но такого рода набеги не вели к каким-либо существенным переменам в положении, которое сложилось в это время на территории Финляндии после вторжения туда шведов.

Иными словами сложилось соотношение сил, при котором Русь, ослабленная феодальными усобицами и татарским игом, не имела возможности осуществлять такой поход против Швеции, который бы позволил вернуть новгородцам хотя бы даже захваченную у них территорию западной части Карельского перешейка. Но и у шведов, ослабленных в это время своей внутренней междоусобной борьбой, также отсутствовало достаточное количество войск для продолжения наступательных действий на восток. В итоге настало время, когда обеим сторонам надо было достигнуть компромисса, согласия. Это и было сделано в результате заключения Ореховецкого (Ореховского) мирного договора в 1323 г.,

названного еще «вечным», поскольку его условия затем подтверждались вплоть до конца XVI в. Причем сам подлинник этого важнейшего исторического документа, был утрачен в результате пожаров как в Швеции, так и в России уже в XVII в. Теперь, до наших дней, сохранились лишь копии данного договора, выполненные на шведском и русском языках, а также его латинский перевод.

Согласно же самому этому договору каждая из сторон сохраняла за собой те территории, которыми реально владела к тому времени. Таким образом Новгород пошел на то, чтобы уступить захваченные с 1293 г. Швецией его земли в западной части Карельского перешейка. Восточная же часть его, где проживала главным образом бо льшая часть карельского населения, оставалась владением Новгородского государства.

В результате граница начала проходить от Финского залива у устья реки Сестры и далее продолжалась по ее течению, переходя на рубеж реки Вуокса, где затем уже уходила на северо-запад и шла вдоль этой водной артерии до озера Сайма, рассекая таким образом на две части Карельский перешеек. Вне пределов этого перешейка граница устанавливалась с учетом существовавшего рубежа основного размежевания между поселениями карел и хяме. Вся северо-восточная половина нынешней территории Финляндии, а так же ее северо-западные районы, прилегающие к Ботническому заливу, оставались в пределах Новгородского государства.

Самому разделению карельских земель на две части – западную, перешедшую под контроль Швеции, и восточную, находившуюся в пределах Древнерусского государства, суждено было сохраниться на протяжении не одного столетия. Подобное разделение оказалось следствием не только противодействия Новгорода распространению шведского влияния в восточной части Финского залива, но и обуславливалось самой внутривнутриполитической обстановкой у карел. Население западной части Карельского перешейка еще до начала активного завоевания этих земель шведскими рыцарями уже испытывало определенное влияние Швеции. Попав же под контроль шведского государства, это влияние несравненно еще больше усилилась, определив раскол карельского населения на две части, поскольку большая часть карел, проживавшая в восточной части перешейка и северного Приладожья, уже прочно была связана с Древнерусским государством.

С другой стороны, продолжался процесс и урегулирования пограничных отношений и с Норвегией. В это время к началу XIV в. стали более четко обозначаться рубежи двух государств на крайнем севере. Тогда на западном берегу Варангер-фьорда возникло самое восточное норвежское

поселение. На южном же его берегу принялись обосновываться русские поморы. В результате и здесь достаточно стихийно начала намечаться вполне определенная граница двух государств.

Чтобы предотвратить территориальные споры в Новгороде в 1326 г. был подписан новый русско-норвежский договор, который должен был обозначить контуры границы двух государств на севере. До нас не дошли тем не менее данные о точных географических координат прохождения такой границы в соответствии с подписанным договором. Однако, как считают современные отечественные исследователи, государственный рубеж, разделяющий норвежское и русское государства, проходил именно там, где разделялись первые русские и норвежские поселения на крайнем севере, т.е. по Паз-реке, впадающий в Варангер-фьорд. В результате этого граница стала в настоящее время старейшей из современных государственных рубежей нашей страны, поскольку на севере России до сих пор она проходит в тех же самых местах.

Тем не менее, хотя границы были уже определены, должных гарантий их безусловного соблюдения тогда реально не было. Особенно данное положение можно было отнести к русско-шведской границе. Уже спустя девять лет после подписания Ореховецкого мирного договора в 1332 г. шведы его нарушили, предприняв попытку захватить Корелу. Эта военная операция, однако, закончилась для шведского войска неудачей. Более того в ответ на данные действия московский князь Юрий Данилович предпринял в том же году военный поход на Выборг, имея цель уничтожить там шведскую твердыню.

Целый месяц русская дружина осуществляла осаду замка-крепости, причем в ходе попыток штурма мощных выборгских укреплений были использованы специально доставленные туда стенобитные приспособления. Тем не менее для русского войска все закончилось безрезультатно. В свою очередь из Выборга шведы затем сами предприняли военную акцию в восточной части Карельского перешейка и Приладжье. Однако этот поход, осуществленный в 1337–1338 гг., не увенчался для шведских рыцарей успехом.

Более существенные события происходили десятилетиями позднее, в правление шведского короля Магнуса Эрикссона, внешняя политика которого, как пишет известный историк, академик Ингвар Андерссон, «определялась главным образом его экспансионистскими стремлениями на восток». В 1348 г. Магнус предпринял военную экспедицию с целью завоевания территории у берегов Невы, придав ей характер «крестового

похода», поскольку было объявлено о необходимости обращения «язычников» данного региона в католическую веру.

Однако, как только шведское войско оказалось в непосредственной близости от границы с русским государством, новгородцы приняли меры с тем, чтобы предотвратить дальнейшее продвижение «крестоносцев». К ним были направлены послы, имевшие задачу встретить шведов на Карельском перешейке и договориться о прекращении этого похода. Но переговоры не дали результата. Шведская армия вторглась на русскую территорию и развернула боевые действия на Ижорской и Водской землях, а также осадила крепость Орешек.

После шести недель осады Орешек был взят и Магнус отправился в обратный путь, оставив в завоеванной крепости свой гарнизон. Однако в свою очередь с 15 августа 1348 г. новгородская дружина приступила к своей осаде этой крепости, которая длилась до февраля следующего года и закончилась успешным ее штурмом. Причем, впервые взятые в плен шведские защитники крепости, как свидетельствуют источники, были в качестве военнопленных доставлены в Новгород и Москву.

В целом, после этого уже инициатива в наступательных действиях перешла к русским. Однако их попытка в 1351 г. захватить Выборгскую крепость оказалась неудачной. Результатом же разгоревшихся военных операций было то, что ни одна из противоборствующих сторон опять не могла одержать решающей победы. Поэтому данное обстоятельство было зафиксировано в новом мирном договоре, который был подписан в городе Юрьеве (Тарту). В нем подтверждались основные положения прежнего Ореховецкого мира.

С этого периода можно говорить о том, что Швеции почти полтора столетия уже больше не стремилась к осуществлению широкомасштабных завоевательных походов направленных на захват русских земель. Это в значительной степени объяснялось наступившим ослаблением центральной государственной власти в этой стране. Более того, в период XIV–XVI вв. наблюдается определенный рост русско-шведской торговли, которая, однако, не мешала возникновению на границе между двумя государствами отдельных, локального характера конфликтов. Причем сама же граница на Карельском перешейке в течение трех веков не подвергалась изменениям и тем самым подтверждала уверенность в «вечности» Ореховецкого мирного договора.

При этом, однако, следует учитывать, что на самом деле рубежи русского государства на севере все же претерпевали определенную трансформацию. Дело в том, что в 70-х гг. XIV в. значительные земли

северо-западного побережья Ботнического залива (Эстерботния), входившие по Ореховецкому договору в пределы Новгородского государства, стали подвластной территорией Швеции. Это произошло вследствие осуществленной к тому времени финской крестьянской колонизации данных периферийных территорий. В результате Новгород предпринял туда в 1377 г. военный поход. Но вернуть земли русское государство так и не смогло. Иными словами, в это время, фактически, сложилась новая шведско-русская граница, которая стала проходить между Эстерботнией и северной Карелией. Эта граница оставалась длительное время не зафиксированной ни в одном из официальных документов и юридическое подтверждение получила значительно позднее.

Русско-скандинавские отношения на рубеже начала Нового времени

В конце XIV в. в Скандинавии произошли весьма значительные перемены. В 1397 г. в шведском городе Кальмаре было достигнуто соглашение о династическом объединении трех скандинавских стран – Дании, Швеции и Норвегии. Оно получило название Кальмарской унии. Это объединение было непрочным, поскольку раздиралось внутренними противоречиями, проявившимися между королем и знатью в странах унии, народными выступлениями и даже датско-шведскими войнами. В 1523 г. это объединение распалось.

Естественно, что складывавшаяся внутренняя обстановка в Кальмарской унии за период ее существования отразилась на внешней политике Швеции, которая хотя и не отказалась от своих прежних вождедений в отношении восточной части Карельского перешейка и района Приневья, но не имела возможности их полностью реализовать. К тому же соседом Швеции была уже к этому времени не ослабленная Новгородская республика, а складывающаяся монолитное и достаточно сильное Российское государство.

Теперь именно оно стало предъявлять свои права Швеции на земли, которые ранее новгородцами были утрачены. Более того у России появился достаточно могущественный союзник, в лице Дании с которой в 1493 г. был заключен союзный договор, имевший очевидную военную направленность. Этот договор, подписанный в Москве, с прибывшим впервые в истории в столицу российского государства датским посланником, фактически положил начало установлению российско-датских дипломатических отношений. К тому же по этому договору начали нала-

живаться и достаточно тесные экономические отношения между Данией и Россией. Две стороны взяли на себя обязательство поддерживать возможность свободной торговли купцов из обоих государств на своей территории под защитой местных властей и при уплате обычных таможенных пошлин.

Спустя два года после подписания этого договора первые датские купцы уже появились в устье Невы (в районе современного Петербурга), а затем в 1505–1506 гг. и в Ивангороде. Датчанам предоставили право иметь собственный торговый двор в этом городе, так же как и в другом важнейшем центре русской торговли на северо-западе – Новгороде. В свою очередь русские купцы получили возможность открыть свой торговый двор на острове Готланд, принадлежавшем тогда Дании.

Укрепление политического положения российского государства позволяло перейти и к более наступательной внешней политике. В 1495 г. Иван III уже начал военные действия со Швецией, имея цель возратить западную часть Карельского перешейка, принадлежавшего ранее новгородскому государству, и Эстерботнию, которую шведы «мирно» присоединили к своей территории в конце XIV в. В результате большое русское войско осадило Выборг. Но возведенные ранее шведами мощные городские стены устояли, когда начался штурм крепости, хотя осаждающие город войска даже впервые применили здесь огнестрельное оружие. Затем в следующем году русские войска предприняли в зимних условиях новый поход, уже к побережью Ботнического залива, однако смогли лишь на короткое время вернуть Эстерботнию. Так, в конечном счете, война и закончилась в 1497 г. Захваченные прежде Швецией территории русским вернуть не удалось.

Не удалось добиться возвращения Швецией ранее отторгнутых от российского государства территорий также и с помощью дипломатии. Присланное в 1501 г. в Стокгольм русское посольство прямо пыталось склонить шведский риксрод (государственный совет) на то, чтобы там сами согласились с территориальными претензиями соседнего государства. Однако, естественно, эти предложения не нашли своей поддержки в шведском руководстве.

Тем не менее на почве противостояния и борьбы России со Швецией все более стала в это время проявляться русско-датское сближение. Данией, в свою очередь тогда еще сильнее стремилась подчинить шведов своему монарху. Особенно это стало заметно с 1505 г., когда новый русский царь Василий III чуть ли не ежегодно начал принимать датских послов. В результате уже в 1516 г. возобновился союз Дании с Москвой.

Более того впервые тогда датские купцы получили даже особые привилегии в России.

В целом же дипломатическая активность со стороны Копенгагена имела цель прежде всего подтолкнуть Россию возобновить военные действия против Швеции. В 1519 г. датский посланник Дэвид Корран, считавшийся самым опытным и удачливым дипломатом Дании на переговорах с Россией, вообще выразил просьбу короля Кристиана II в том, чтобы русский царь направил в Финляндию двухтысячное войско и оказал датчанам военную помощь в борьбе против своего северного соседа.

Однако реального военного союза между Данией и Россией тогда так и не сложилось. «Вообще то, — считает датский историк М. Венге, — было бы сильным преувеличением сказать, что союз с Россией привел к установлению настоящих братских отношений между государствами. С датской колокольни Россия виделась чужой, непонятной и враждебной страной, о которой датчане имели очень слабое представление». К тому же в начале 20-х гг. XVI в. началось довольно быстрое свертывание российско-датских отношений. Это было во многом связано с тем, что Дания потерпела в Швеции сокрушительное поражение. Финляндия же прочно контролировалась шведами, которые провозгласили ее в 1556 г. герцогством. Затем шведские короли стали носить еще и титул великих князей финляндских.

Одновременно начала опять возрождаться русско-шведская торговля. Причем города Выборг и Ивангород превратились в своеобразные центры этой торговли. В результате русский царь Василий III и новый шведский король Густава I Ваза уже принялись даже обсуждать возможность активного расширения экономических связей между двумя государствами. Однако желание включить в состав королевства всю территорию Карельского перешейка также не покидало шведских монархов.

За год до провозглашения Финляндии герцогством (1555 г.), Густава I Ваза сконцентрировал на ее территории четырехтысячное войско, мобилизовав туда и финнов, двинул его против России. К невским берегам был направлен также королевский флот. В сентябре 1555 г. шведы осадили крепость Орешек, однако взять ее не удалось. Защищавший Орешек русский гарнизон стойко оборонялся, отбив все предпринимавшиеся против него атаки. После этой неудачи шведские войска отошли обратно в пределы Финляндии.

Вслед за этим уже Иван Грозный направил в западную часть Карельского перешейка 20-тысячное войско и предпринял очередной штурм

Выборга. Но прорвать сильные укрепления Выборгской крепости ему также не удалось.

В такой обстановке Густав Ваза пошел на мирные переговоры. Они проходили в течение января–февраля 1557 г. и завершились подписанием в Новгороде мирного договора. Причем, желая подчеркнуть некоторое превосходство над Швецией, царь повелел, чтобы этот договор с русской стороны был подготовлен от имени новгородского воеводы. Тем не менее, согласно этому договору, обе стороны взяли на себя обязательство не предпринимать в течение 40 лет вооруженных действий друг против друга. При этом были согласованы также пограничные вопросы.

Тем временем события развивались так, что у восточных берегов Балтики с 1558 г. началась уже Ливонская война, в которую постепенно втянулись несколько государств – Россия, Дания, Швеция и Польша.

В начале этой войны стали усиливаться прежде всего русско-датские противоречия. Претендуя на роль великой североευропейской державы, Дания, объединенная к этому времени только с Норвегией, не могла спокойно наблюдать на то, как остальные балтийские государства делят земли бывшего Ливонского ордена. Копенгаген начал решительно заявлять о своих правах на Эстляндию.

В 1559 г. в Москву прибыло представительное датское посольство. Однако данная миссия завершилась неудачей, поскольку Россия посчитала подобные требования весьма необоснованными. В ответ на это с мая 1560 г. Дания накладывает запрет на свой экспорт в Россию, а затем начинает вообще угрожать, для ее морских коммуникаций, полным закрытием контролируемых королевством проливов в Балтийском море.

Тоже самое датское правительство хотело осуществить и с транспортными коммуникациями, ведущими на Русский Север. Дело в том, что к этому времени началось усиливаться развитие регулярных торговых отношения между Россией и Норвегией. Русские тогда развернули активное освоение побережья Кольского полуострова. Здесь появились первые постоянные русские поселения, с которыми норвежцы стали интенсивно налаживать экономические отношения. В результате купцы из Норвегии первыми проложили новые торговые пути, ведущие к районам обильных природных богатств северорусских земель. Они постепенно, водным путем, проникали теперь далеко на восток вплоть до Холмогор, Архангельска, Сумского посада и т.д. Вслед за норвежцами по этому морскому пути устремились также многие купцы стран западной Европы. В результате вдоль берегов Норвегии была проложена одна из важнейших торговых коммуникаций, которая вела из Европы на Русский Север.

Однако Дания, державшая под своим контролем норвежскую территорию, стремясь оказать давление на Россию, стала препятствовать развитию этой торговли. Датчане пытались не допустить суда, идущие из Западной Европы к русским берегам. Такая политика тем не менее давала весьма незначительный эффект и в конечном итоге датское королевство было вынуждено лишь ограничиться сбором там пошлины. Все это, конечно, не могло не ослабить выгодную для европейцев торговлю с Россией, имея явно негативные последствия для русской коммерческой деятельности на своем Севере.

С другой стороны, однако, в это время возникли также и разногласия по поводу русско-норвежской границы. Датское правительство поставило тогда вопрос о возвращении себе права сбора дани с саамского населения Кольского полуострова. К тому же датчане вообще начали выдвигать и территориальные претензии на этот полуостров, принадлежность которого уже явно закрепилась за Россией. Иными словами отношения между двумя государствами начали заметно разлаживаться.

Вместе с тем подобную ситуацию пытались разрешить все-таки дипломатическими методами. В 1562 г. в Москве было подписано компромиссное соглашение. По этому соглашению Россия признавала за Данией часть территории Эстляндии, а датчане брали на себя обязательство не препятствовать русскому мореплаванию. Более того согласно договору Россия и Дания объявлялись союзниками. Однако данный договор так и не был ратифицирован и поэтому, очевидно, считался расторгнутым.

Тем не менее подписанное в Москве соглашение несколько облегчило условия для двухстороннего товарообмена. С этого периода было возрождено право свободной торговли. Кроме того Дания предоставила право свободного прохода через датские проливы торговым судам, идущим в Россию. Все это свидетельствовало о том, что русско-датские отношения стали нормализовываться. К тому же для обеих стран Ливонская война приобретала весьма напряженный характер, поскольку в боевые действия весьма решительно вступили и другие балтийские государства.

Швеция также внимательно следила за происходившими событиями на Балтике и пыталась оказывать здесь свое влияние. Еще в 1560 г. шведский король Эрик XIV предложил свое покровительство и защиту ливонцам, при условии «их присяги на верность». Как подчеркивается в современных исследованиях, этим «Швеция сделала свой первый шаг к великодержавию». Более того, тогда в Стокгольме начали препятствовать развитию торговли европейцев на Балтийском море с российским государством и даже начали вводить в этом отношении определенные санкции.

Это, несомненно, в свою очередь обострило русско-шведские отношения, которые были только несколько сглажены подписанным в Дерпте (Тарту) в 1564 г. соглашением по которому Россия признавала «временные права» Швеции над частью Ливонии – северной Эстляндией с городом Ревель (Таллини), а Швеция отказывалась от политики применения дискриминационных мер в отношении русской балтийской торговли.

Но это соглашение Иван IV решил еще закрепить весьма смелым требованием – выдать ему в качестве невесты супругу сводного брата шведского короля герцога Юхана – Екатерину Ягеллонку. Этот очередной брачный династический проект русский царь был готов даже усилить подписанием общего союзного договора со Швецией. Текст этого договора был выработан и согласован в 1567 г. и российское посольство даже прибыло за Екатериной Ягеллонкой в Стокгольм. Однако данная миссия закончилась безрезультатно. В Швеции тогда произошел дворцовый переворот, Эрик XIV был свергнут с престола, а новым королем в 1568 г. стал герцог Юхан. Как по этому поводу отмечает профессор А. С. Кан, «русский проект союза со Швецией остался на бумаге, царское посольство подверглось оскорблениям и смогло вернуться на родину лишь в 1569 году».

В результате Новгородский мирный договор оказался под угрозой его нарушения, причем задолго до истечения срока его действия. Объективно, отношения между Иваном Грозным и шведским королем Юханом III стали чрезвычайно обостренными. Как писал шведский историк И. Андерссон, «Иван IV Грозный считал Юхана III своим личным врагом» и они «обменивались уникальными в истории оскорбительными посланиями», а с начала 70-х гг. Швеция уже активно вступила в войну, причем противоборство у нее с Россией шло не только в пределах Прибалтики, но и в приграничной зоне Карельского перешейка. Вместе с тем и русская конница совершала глубокие прорывы, доходя в Финляндии до Гельсингфорса.

Наиболее решительные действия против России Швеция развернула однако лишь в 1580 г., когда русские войска были уже довольно измотанные 22-х летним участием в изнурительной Ливонской войне и стали терпеть ощутительные поражения. Швеция тогда сосредоточила усилия на захват большой территории к востоку от Нарвы в копорском направлении, а также северной части России от Карельского перешейка и побережья Невы до Баренцева моря и устья Северной Двины. Во главе шведской армии стоял тогда выходец из Южной Франции талантливый военачальник Понтус Делагарди. Его войска действовали весьма успешно, совершая стремительные набеги на расположение русских войск в северо-западной части театра военных операций России.

Осенью 1580 г. шведская армия стремительно двинулась из Восточной Финляндии в Приладжье. Войскам Делагарди удалось штурмом овладеть городом Корела (Кексгольм) и закрепиться на северном и западном побережье Ладожского озера. Весьма результативным оказались походы шведов в 1581 г. из Эстляндии. Тогда были захвачены сильно укрепленные города Нарва, Ивангород, а также Ям и Копорье. Действуя далее уже из Восточной Финляндии в сторону Карелии, шведские войска предприняли походы на Олонецкий перешеек и в направлении Белого моря в Кемскую волость.

Тем не менее затянувшаяся Ливонская война серьезно ослабила Швецию в экономическом отношении и обострила здесь внутривнутриполитическую обстановку. Это вынудило шведского короля пойти на переговоры с Россией. В результате в 1583 г. в местечке Плюсса между Швецией и Россией было подписано перемирие, которое, фактически, закрепило за шведами захваченные ими территории Северо-запада России.

Но перемирие продлилось всего шесть лет. В 1589 г. активные военные действия возобновились. Шведская армия начала свое наступление с территории Финляндии в направлении Кольского полуострова и Северной Карелии. В ответ на это русское войско в следующем году двинулось к побережью Ботнического залива. Все же начавшееся опять активное военное противостояние не имело особо острого характера, хотя нередко русская армия и добивалась некоторых определенных успехов.

В изменившейся внутривнутриполитической обстановке в Швеции, после смерти короля Юхана III, решили прекратить войну. В 1595 г. в Тявзино (близ Нарвы) был заключен новый российско-шведский мирный договор, который в отличие от условий «вечного» Ореховецкого мира официально зафиксировал переход северо-восточной Финляндии во владение Швеции. Корела же и ее уезд остались за Россией. Ей также передавались захваченные ранее шведами Ям, Копорье и Ивангород. Но с российской стороны снимались претензии на шведскую Ливонию. К тому же, согласно договору, России запрещалось торговать с городами Прибалтики, исключая Ревель, а также Выборг. Тем самым, по существу, устанавливался контроль над российской внешней торговлей на Балтике.

При этом следует учитывать, что при пришедшем на шведский престол короле Карле IX Россия продолжала занимать весьма существенное место во внешней политике Швеции. В Стокгольме внимательно следили за той чрезвычайно сложной ситуацией, которая складывалась у восточного соседа, стоявшего на пороге XVII века перед т.н. «смутным временем».

Не менее внимательно за внутренней обстановкой в России следили и в Дании. Учитывая ослабленное положение российского государства в этот период, юный датский король Кристиан IV поставил вопрос об изменении границ с Россией в Лапландии. Однако датчане стремились скорее решить свои территориальные претензии путем дипломатических переговоров и в целом с самого начала XVII века шли лишь по пути укрепления своих отношений с Россией. Это выражалось в налаживании экономического сотрудничества между двумя странами, а также в решении общих внешнеполитических и военных задач. Кроме того тогда возникла идея скрепить династические узы датского монарха и русского царя путем свадьбы брата Кристиана IV принца Ханса с дочерью Бориса Годунова царевной Ксенией. Заключив брачный союз между Россией и Данией, оба государства предполагали в дальнейшем участвовать совместной борьбе против Швеции, а также решить все спорные вопросы, включая проблему границы в Лапландии.

В 1601 г. в Копенгагене было достигнуто соглашение о женитьбе Ханса на русской царевне. Датский принц получал в приданое Тверское княжество и 400 тысяч гульденов. Однако этот грандиозный проект оказался не осуществленным, поскольку уже по прибытии в Москву в 1602 г. жених серьезно заболел и скончался. В итоге свадьбы так и не произошло. Наступившее же в России «смутное время» принесло с собой и общее абсолютное ослабление русско-датских контактов.

Более того в условиях развернувшейся интервенции Польши в Россию теперь уже шведский король предложил новому русскому царю Василию Шуйскому вооруженную помощь. В 1609 г. между Россией и Швецией был подписан в Выборге договор, согласно которому со шведской стороны предоставлялось в помощь правительству Шуйского пятитысячное войско. А за это Россия должна была отказаться от всяких притязаний на Ливонию. Она также должна была уступить шведам на Карельском перешейке город Корелу с уездом и заключить с ними новый «вечный мир». Данный договор вызвал весьма негативную реакцию у населения передаваемых шведам российских территорий. Жители Корелы сразу же начали отказываться признать Выборгский договор и оказывать весьма решительное противодействие его осуществлению.

Но на основе договора Карл IX послал в Россию специальный отряд во главе с сыном Понтуса Делагарди Яковом. Этот отряд вместе с войсками М. В. Скопина-Шуйского участвовал в наступлении против армии Лжедмитрия II и, действуя весьма решительно, отбили у поляков ряд северо-западных русских городов. Однако, затем, в 1610 г., когда русские

войска начали терпеть поражения, шведская наемная армия в ходе боевых действий перешла на сторону противника, а сам Делагарди вернулся обратно в Швецию.

С захватом польскими войсками Москвы, Швеция, нарушив ранее подписанный в Выборге договор, стала захватывать на севере русские территории. В июне 1610 г. шведская армия двинулась из Выборга в восточную часть Карельского перешейка и предприняла попытку силой овладеть крепостью Корела. Но стрельцы и войско ополченцев начали оказывать упорное сопротивление. Лишь только в сентябре 1610 г. шведам удалось блокировать Корелу и после длительной осады, 2 марта 1611 г., когда гарнизон крепости все-таки вынужден был капитулировать, Корела было взята.

Тем временем у шведского короля Карла IX появились достаточно большие замыслы в отношении будущего русского государства. Он решил не более и не менее, как определить на царский престол одного из своих сыновней – Густава Адольфа или Карла Филиппа. Поэтому шведская интервенция в Россию приобрела еще более агрессивный характер. Армия, возглавляемая Яковом Делагарди, двинулась в глубь российской территории. Шведам удалось тогда захватить город Ладогу и крепость Орешек. Более того шведские войска развернули наступательные действия и в Северной Карелии, а также на Кольском полуострове.

Продвигаясь по русским землям войска Делагарди в июле 1611 г. захватили Новгород. Были осаждены также Тихвин и Гдов. С взятием же Новгорода шведам удалось склонить городскую верхушку к отделению от России в целях создания некоего «Новгородского королевства». Королем же также проектировался один из сыновней Карла IX.

Однако все эти расчеты рухнули в связи с переменами, которые произошли в России после краха польской интервенции и начавшемся укреплении ее с избранием в 1613 г. царем Михаила Романова. Российское государство стало постепенно превращаться в стабильное государство, с которым уже необходимо было считаться всем ее соседям.

Осенью 1615 г. Швеция была вынуждена дать согласие пойти на переговоры с Москвой для заключения мира. Они имели, тем не менее, затяжной характер. Для того чтобы ускорить процесс заключения мира русский царь даже обратился к датскому королю с просьбой о помощи. Однако датчане не были заинтересованы в нормализации русско-шведских отношений и лишь посредничество представителя Англии позволило ускорить процесс достижения общей договоренности. Новый договор о «вечном мире» был подписан в деревне Столбово 27 февраля 1617 г.

Согласно Столбовскому мирному договору Швеция возвратила России города Новгород, Старую Руссу, Ладогу и Гдов, но за Швецией остались Ижорская земля, включая Ям, Ивангород, Копорье и Орешек, а на Карельском перешейке Корела. Предусматривалось, что часть русского населения могла покинуть эти районы (в течение двух недель). Русское правительство обязывало выплатить Швеции 20 тыс. рублей. Так за 15 лет Россия потеряла все то, что было ею завоевано за четыре века. Для нее был полностью отрезан доступ к Балтийскому морю. После заключения Столбовского мира Швеция выдвинула свои восточные рубежи далеко за пределы ее прежних исторических границ.

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Эволюция геополитической ситуации на Балтике и российско-скандинавские отношения в XVII–XVIII вв.

Начиная с XVII века России, в ее внешней политике, все более приходится считаться с тем, что шведское королевство достигло достаточно высокого уровня своего развития и превратилось в великую державу. Новый король Швеции Густав II Адольф (сын Карла IX), пришедший к власти в 1611 г., будучи весьма образованным человеком, приложил большие усилия в области реформаторской деятельности для укрепления государства и своей власти. Поменялась при нем уже в первые годы правления и внешняя политика страны. Финский историк профессор Матти Клинге писал, что, «начиная с правления Густова II Адольфа, характерной чертой для Швеции, как великой державы, было то, что сперва Остзейские провинции, затем Польша и, наконец, Германия, заменили Россию в качестве объектов военных и политических стремлений Швеции».

С Россией же на протяжении 1620–1640 гг. складывались достаточно мирные отношения. Не вступая в конфликт со своим северным соседом, Москва начала выстраивать со Швецией преимущественно экономические связи. Так уже в 1618 г. шведским купцам были даны значительные преимущества в торговле на российской территории, которые выгодно их отличали от других иноземных торговцев. Впервые в истории России режим коммерческого благоприятства был предоставлен не отдельному заграничному купцу или зарубежному торговому предприятию, а представителям всей соседней страны. Более того начали возникать достаточно корректные политические связи, где Россия стремилась не «задевать» Швецию и позволяла себе даже отмечать шведские военные успехи. Так в 1631 г. в Москве был произведен по поводу победы шведской армии в Центральной Европе даже артиллерийский салют.

С другой стороны, Швеция была готова тогда подписать с Россией союзный договор, который был бы направлен против их общих противников, прежде всего, Польши. Дело дошло до того, что в 1632 г. были уже согласованы основные условия этого соглашения. В договоре, главным образом, предполагалось, что стороны будут помогать друг другу войсками и деньгами. Однако перспективы данного союза резко ухудшились после неожиданной гибели шведского короля Густав II Адольф в ноя-

бре 1632 г. Шведско-русский союзный договор так и не был официально заключен.

Корректность Москвы в отношении Швеции во многом объяснялось тем, что в это время, как известно, уже сложилась мощная шведская балтийская империя. И Россия вынуждена была как в политическом, так и в экономическом плане это учитывать и считаться. Действительно, Швеция имела тогда в своем составе гигантские территории Балтийского побережья : Финляндию, Эстляндию, Лифляндию, Ингерманландию, Померанию, герцогства Бремен, Верден и Висмар. Эти территориальные приобретения позволяли Стокгольму полностью контролировать русскую торговлю в балтийском регионе. Саму же русскую торговлю с Европой здесь преимущественно вынуждены были осуществлять через такие контролируемые Швецией порты как Рига, Ревель и Нарва. Именно через них шел основной поток российских товаров на Запад.

Но в целом мирные отношения второй четверти XVII века позволял России закупать у Швеции даже вооружение и сохранять относительно беспрепятственные связи с Западом. Также активно шведские купцы торговали и на самой российской территории, а шведское торговое подворье в Новгороде являлось с 1649 г. самым большим иностранным торговым центром России. Кроме того, шведское королевство, участвуя в Тридцатилетней войне, проходившей тогда на территории Германии, достаточно позитивно относилась вообще к возможности закупки российских товаров всех ее союзников по этой войне.

Начали в это время развиваться и российско-шведские связи в области культуры. Тогда для России Швеция превращалась в ближайшее соседнее западноевропейское государство, с которого в определенной степени стремились брать пример, приглашая на русскую службу шведских подданных, считавшихся специалистами в области военных и естественно-научных знаний. Несомненно, эти люди, прибывавшие тогда в Россию, являлись также и определенными пропагандистами достижений североевропейской культуры и науки. С другой стороны, в Швеции также все больше узнавали о соседней восточной стране и уже в начале XVII века в Стокгольме появились первые книги по истории России. Более того, то, что тогда, после подписания Столбовского мирного договора, на территории королевства оказались десятки тысяч православных, живущих преимущественно в Ингерманландии (часть современной Ленинградской области), приводит к началу активного изучения в Швеции русского языка, который стал необходим для административных и церковных нужд, а также для военных целей.

Тем не менее, в российско-шведском сотрудничестве сохранялись и проблемы. Они, конечно, были вызваны тем, что Швеция в начале XVII в. отторгла от нее значительные и стратегически важные территории. Этого в Москве забыть не могли, поскольку они, по-прежнему, были остро необходимы для дальнейшего развития российского государства. Кроме того, в российско-шведских отношениях возникали еще трения, связанные с массовым переселением населения финно-угорских языковых групп с территории, которую Швеция захватила тогда у России. Карелы, проживавшие на Карельском перешейке, вынуждены были перемещаться в районы Новгорода, Старой Руссы, Тихвина, Твери и Валдая. После Столбовского мира количество вынужденных переселенцев с подвластной Швеции территории достигло почти 25 тысяч человек.

Такая миграция населения была вызвана в значительной степени увеличением шведскими властями налогообложения, а также в определенной мере начавшимся притеснением православных. По некоторым данным покинуло свои родные места 37 процентов жителей Ингерманландии. На пустовавшие земли постепенно поселялись те, кто ранее проживал в Финляндии. Эти финны впоследствии стали именоваться ингерманландцами. Однако Швеция стремилась заставить Россию вернуть переехавшее туда с принадлежащей ей территории население, что приводило к соответствующим межгосударственным переговорам и даже заключению в 1649 г. специального соглашения, подписанного в Стокгольме, по которому Россия должна была возвращать переехавших к ней из Ингерманландии людей. Кстати, этот договор оказался одним из первых, который был подписан русскими представителями на территории зарубежного государства.

Что же касается Дании, то она достаточно болезненно реагировала на складывающиеся тогда коммерческое доминирование шведов в русской торговле. Она рассматривала Швецию на Балтике, как своего основного конкурента и сама была крайне заинтересована в развитии экономических связей с Россией. Через порты на Балтике датчане старались закупать у русских лен и пеньки, которые были необходимы для перевооружения королевского флота. Считалось, что присутствие датских торговых кораблей в Балтийском море усиливает могущество Дании и также рассматривалось, как проявлением соперничества со Швецией в борьбе за лидерство в этом регионе.

Кроме того датчане начала расширять свою русскую торговлю через Архангельский порт. С 20-х годов XVI в. Дания первым из государств Запада получила право на покупку российского зерна, которое продавалось в Архангельске. Датское королевство от этого имело колоссальные

прибыли, поскольку приобретало его по весьма низким ценам, а затем по завышенной стоимости продавало уже в Западной Европе. Более того, часть российского зерна посредством датских купцов поступало также в Норвегию, где во второй четверти XVI в. был чрезвычайно голодный период для ее населения, что, естественно, помогало обеспечить норвежских подданных датского короля жизненно необходимым для них продовольствием.

Однако все же российско-датская торговля была весьма ограничена по объему, поскольку Россия сохраняла достаточно сложный выход к морским портам. С другой стороны, датский флот являлся небольшим, что тоже затрудняло поддержку экономической активности между двумя государствами. К тому же Дания нередко стремилась осложнять торговлю России с другими европейскими странами, пытаясь получать прибыль на контролируемом ей северном морском пути, проходившем вдоль норвежского побережья. Королевство, в частности, активно старалась брать пошлины с английских и голландских кораблей торговавших с Россией и неминуемо проплывавших у берегов Норвегии.

Тем не менее, российское государство высоко ценило свои связи с Данией, вплоть до того, что в начале 20-х гг. XVI века молодой царь Михаил Федорович даже поставил вопрос о том, чтобы вступить в брачный союз с представительницей датского королевского рода. В 1622 г. специальное российское посольство в Копенгагене принялось выяснять возможность женитьбы русского царя на дочери сестры датского монарха принцессе Доротее Августе. Однако это сватовство оказалось неудачным.

Тем не мене идея сблизить российско-датские отношения путем установления более тесных династических уз продолжала в это время рассматриваться в Москве. Спустя двадцать лет, в 1641 г., возникла еще одна идея свадьбы сына датского короля Кристиана IV принца Вальдемара Кристиана и царевны Ирины – дочери царя Михаила Федоровича. В этой связи датский король даже отправил в принца в Москву. Он должен был выяснить условия при которых могла бы состояться возможная их свадьба. Вместе с тем в ходе этой поездки ему требовалось также решить спорный датско-российский вопрос о границе в Лапландии и вообще стимулировать развитие дружественных отношений между двумя государствами. При этом датчане явно смотрели на перспективу данного брака с точки зрения возможной попытки вновь вовлечь Россию в борьбу против Швеции.

В целом данная миссия закончилась достаточно удачно, поскольку датский принц привез в Копенгаген известие, что он «произвел весьма

благоприятное впечатление на русского царя», который даже обещал Дании в качестве приданого к свадьбе своей дочери старинные русские города Суздаль и Ярославль. После этого претендент на роль супруга русской царевны с обилием дорогих подарков отправился в Москву уже в новое, предсвадебное путешествие. Он прибыл в столицу России в январе 1644 г. Однако это сватовство все-таки закончилось неудачей. Более полутора лет датский принц провел в Москве, но так и не смог стать мужем царевны Ирины, поскольку возник вопрос о необходимости изменения им вероисповедания и принятии православия. С этим датчане не хотели соглашаться. К тому же Дания тогда терпела поражение от Швеции и это ослабляло желание русского царя реализовать идею наметившегося династического брака. В конечном счете, после смерти Михаила Федоровича и с воцарением на престол его сына Алексея, было окончательно принято решение о невозможности этой свадьбы и датский принц в августе 1645 г., ничего не добившись, отправился обратно на родину.

Но, как бы там ни было, Россия постоянно тогда рассматривала Данию, как естественного союзника в возможной борьбе против Швеции. С целью перспективы координировать свои действия против шведского королевства русские даже направили летом 1656 г. в Копенгаген представительное посольство во главе с Даниилой Мышецким. Датчанам тогда сказали, что «шведский король всеми силами пытается установить господство над Балтийским морем и что сейчас подходящий момент для организации нападения датчан на Швецию». Однако реально российско-датского союзного объединения против Швеции так и не получилось.

Тем не менее, новая русско-шведская война все же в 1656 г. вспыхнула. Причем, вначале для России боевые действия развивались достаточно успешно. Часть ее армии была двинута в Ингерманландию для захвата устья реки Невы. И действительно, уже летом русскими были заняты шведские крепости Нотебург (Орешек) и Ниеншанц. Причем, как заметил профессор А. С. Кан, «впервые выступление против Швеции получило религиозный отпечаток: сам патриарх Никон призывал божью кару на лютеран-еретиков».

Но главные силы российских войск во главе с царем Алексеем Михайловичем все же находились у южного побережья восточной части Балтийского моря. Здесь в июле русские выступили из Полоцка и заняли в Ливонии ряд стратегически важных районов. Они овладели Динабургом (Даугавпилсом), Кокенгаузеном (Кокнесем), осадили, а затем и взяли город Дерпт (Юрьев). В конце августа русская армия дошла уже до одного из самых главных городов Ливонии Риги и также постаралась его захва-

тить. Но именно здесь под Ригой Россию постигла первая неудача. Сил для взятия этого города оказалось недостаточно. В результате в октябре русские войска вынуждены были отступить. Сложности продолжения боевых действий, а также недостаточно благоприятная международная ситуация для Российского государства заставили ее однако 20 (30) декабря 1658 г. на три года заключить в Валиесар (деревня Валиесари близ Нарвы) со Швецией перемирие, скрепленное в июне 1661 г. и Кардисским миром. Москва вынуждена была вернуть Швеции все свои военные приобретения в Прибалтике и подтвердить границу между двумя государствами, определенную Столбовским мирным договором. В результате разрешение балтийской проблемы для Российского государства было отсрочено на пол столетия.

Лишь только в 1700 г., когда началась Великая Северная война и возник достаточно широкий антишведский союз европейских государств, появилась реальная возможность вернуть утраченные ранее русские земли. Действительно, Швеции противостояли одновременно Россия, Дания, а также Саксония (она находилась в личной унии с Речью Посполитой), которые тайно оформились до этого в особую коалицию – Северную лигу. Более того именно в начале XVIII века дипломатические отношения между Россией и Данией вступили в такую стадию, когда вместо временных внешнеполитических миссий в столицах обоих государств были учреждены дипломатические представительства, что безусловно упрочило отношения между двумя странами.

Россия ставила в этой войне главной целью не просто вернуть ранее захваченное у Швеции балтийское побережье, но и прочно утвердиться там. Эта задача была крайне сложной. Шведская армия явилась в то время весьма сильной. Под ружьем находилось у нее 60-тысячное войско, а также флот, имевший 42 линейных корабля и 12 фрегатов. По оценке шведского историка И. Андерссона, армия Швеции была «безусловно одной из наиболее совершенных военных машин, которые когда-либо существовали». Не случайно, поэтому, в начале Великой Северной войны русским войскам было нанесено сокрушительное поражение под Нарвой в 1700 г.

Тем не менее России удалось в 1702–1703 гг. вернуть имевшийся у нее прежде выход к морю – Ижорскую землю. В 1703 г. на этой отвоеванной территории был основан Петром I морской порт и будущая российская столица – Петербург.

В этих условиях Карл XII двинул свою армию к юго-западным границам России. Шведский король планировал в генеральном сражении разгромить русские войска, захватить Москву и заставить Петра I заклю-

чить мирный договор. Однако русская армия, уклоняясь в начале от этого сражения, стала отходить на восток. В контексте рассмотрения событий, которые происходили конкретно в Северной Европе, мы не будем подробно останавливаться на других важных деталях войны, подробно излагающиеся в отечественной истории. Лишь только отметим, что 27 июня (8 июля) 1709 г. произошла знаменитая Полтавская битва, закончившаяся грандиозной победой русских войск, в результате которой шведская армия потерпела полное поражение.

После этого боевые действия уже опять стали перемещаться в Прибалтику. Русские войска в это время смогли овладеть Ревелем и Ригой. Особое значение придавалось тогда Петром I взятию Выборга и, когда 13 (24) июня 1710 г. гарнизон этого города капитулировал, царь оценил достигнутый успех, как важное стратегическое достижение русских войск. С этого времени, указывал он, «уже крепкая подушка Санкт-Петербургу устроена». После овладения Выборгом вскоре был взят и Кексгольм (переименованный шведами город Корела), а затем и Вильманstrand (Лаппеенранта). Тем самым русские войска вышли по обе стороны Карельского перешейка к рубежу, открывавшему путь для продвижения в глубь Финляндии.

Само же наступление здесь началось в 1713 г., когда русский царь решил предпринять комбинированное вторжение в глубь финской территории путем одновременных действий сухопутных сил и морского флота, который должен был осуществлять десантные операции, продвигаясь вдоль прибрежных шхер Финского залива. Для этого был предназначен специально построенный гребной флот с неглубокой осадкой судов (галер). Намеченный замысел удался. Продвижение в глубь Финляндии, начатое весной 1713 г. осуществлялось успешно. Российские корабли, в частности, провели успешное десантирование при захвате ими в июле Гельсингфорса (Хельсинки). С занятием русскими войсками в конце августа города Або (Турку) началось очищение побережья Ботнического залива от прикрывавших его шведских частей. Ощутимые поражения были нанесены шведским войскам 6 (17) октябре у реки Пялькане и 19 февраля (2 марта) 1714 г. под Лаппола (Наппо). Основные силы шведов были разгромлены, остальные полностью деморализованные отходили через Эстерботнию в Швецию. Блестящая победа была одержана также Петром I в сражении на море у мыса Гангут (Ханко) 25–27 июля (5–7 августа) 1714 г.

Войска русской армии почти девять лет находились на территории Финляндии, имея задачу, в конечном счете, нанести непосредственный

удар по Швеции. Более того в это время стали активно разрабатываться совместные операции русских и датских войск. В 1716 г. между Данией и Россией было заключено специальное соглашение, по которому войска обоих государств должны были совместно высадиться в южной Швеции на территории провинции Сконе. С этой целью Петр I даже лично отправился в Данию, чтобы установить более тесный контакт с ее королем Фредериком IV и участвовать в подготовке данной операции. Одинок, как отмечает датский исследователь Х. Баггер, «в то время как неутомимый русский царь был настроен на скорейшее завершение военных приготовлений, довольно ленивый король не желал отказывать себе в комфорте, к которому привык, только из-за предстоящей возможности получить Сконе обратно».

В конечном итоге российско-датские переговоры затянулись, а сама операция так и не была осуществлена. Петр I вынужден был совершенно самостоятельно продолжать войну против Швеции, поскольку Дания все больше и больше шла на то, чтобы ее просто закончить эту войну. Что собственно и произошло в 1720 г., когда датчане подписали сепаратный мирный договор.

Тем временем между Швецией и Россией произошло одно из самых крупных морских сражений конца войны. 27 июля (7 августа) 1720 г. у Гренгама в аландских шхерах русский флот одержал внушительную победу над морскими силами Швеции. Это окончательно приблизило заключение мира.

В 1721 г. в финском городе Ништадте (Уусикаупунки) начались мирные переговоры. Они привели к заключению мира, которым и завершилась Северная война. С проигранной Швецией войной закончилось и ее великодержавие. Но Россия, в условиях изменившегося не ее в пользу международного положения, не смогла полностью воспользоваться всеми плодами своих побед. Явно враждебная позиция ряда западноевропейских держав, и прежде всего Англии, направившей тогда свой флот в Балтийское море, повлияла на Петра I. В конечном счете, он не стал удерживать в своих руках большую часть территории Финляндии и возвратил ее Швеции. В 1722 г. русские войска и флот покинули ее пределы и Швеция опять восстановила в Финляндии свою власть. В целом, годы войны тяжело отразилось на положении в этой части шведского королевства. Население здесь оказалась в чрезвычайно трудном экономическом положении. В истории Финляндии время Северной войны считается периодом т.н. «великого лихолетья».

Тем не менее все же уступкой большей части Финляндии Петру I удалось вынудить Швецию согласиться с тем, что к России отходили теперь Лифляндия, Эстляндия, Ижорская земля (Ингерманландия) и Карельский перешеек с Выборгом и Кексгольмом, а также острова Эзель (Сааремаа) и Даго (Хиума) на Балтийском море. В результате граница со Швецией отодвигалась на значительное расстояние, но за территориальные приобретения Россия обязалась уплатить Швеции 2 млн. ефимков (1,5 млн. рублей). В целом, однако, с момента окончания Северной войны, как метко заметил историк А. С. Кан, «шведская великая держава уступила место русской», поменяв «между собой роли Швеции и России в европейской политике».

При этом следует учитывать, что достигнутым Петром I результатам в ходе Северной войны Россия в определенной степени была обязана благодаря той реформаторской деятельности, которую осуществлял русский царь в годы этой войны. Причем современные исследователи полагают, что тогда многое в государственном административно-судебном отношении он даже воспринял у скандинавов. Вплоть до того, что считается, что Россией было перенято от Дании тогда знаменитое расписание чинов – «Табель о рангах», а идея коллегиального строения управления государством воспринято из Швеции. Любопытно, что в это время в Москве в отдельных немецких школах даже начали преподавать шведский язык, а в 13-ти крупнейших частных библиотеках России за XVIII в. было собрано 268 томов шведских книг, что явно свидетельствовало о «широте и глубине интереса в России к науке, истории и культуре Швеции» в это время.

Более того, после окончания Северной войны, российско-шведские отношения стали складываться достаточно дружественно. С этого периода начинается новый этап научно-культурного сотрудничества, который выразился в усилении научных контактов двух государств. В 1724–1726 гг. в Швеции, в частности, находился известный русский ученый историк В. Н. Татищев, который считался «пионером русско-шведских научных связей». Тогда же, в 1724 г., был еще подписан в Стокгольме союзный договор. Он даже предусматривал помощь в случае если какое-либо из «христианских европейских государств» совершит нападение на Швецию или Россию. Стороны тогда взяли обязательство не заключать союзов, которые бы противоречили данному договору. Объективно, заключение с российской стороны данного соглашения во многом было вызвано некоторым охлаждением в то время отношений России с Данией. Это положение, собственно, было зафиксировано в «Секретных артикулах» к данному договору, где отмечалось, что русское государство будет склонно к территориальным изменениям датских границ не в ее пользу.

Однако русско-шведский договор оказался не долгим и фактически уже в 1726 г. его действие прекратилось. Тогда как в 1730-е гг. Санкт-Петербург «возобновил старинную дружбу с Данией». Мир же России со Швецией продолжался всего два десятка лет. Его в июле 1741 г. нарушила Швеция, начав новую войну с тем, чтобы постараться возвратить утраченные в предшествующий период территории и прочно утвердиться на восточных берегах Балтийского моря, а также в Приладожье и в российской Карелии. Объективно, тогда Швецию захлестнула волна реваншизма. В это время там звучали такие призывы: «Если Бог останется нейтральным, то можно будет с русскими справиться. Война теперь или никогда!»

Начиная войну с Россией, в Стокгольме делали расчет на ее ослабленность в следствии дворцовых переворотов, надеялись отчасти на невыгодную для России общую европейскую конъюнктуру, поскольку он еще находилась в состоянии войны с Турцией. В Швеции надеялись также и на поддержку своей политики войне против России со стороны Франции.

К боевым действиям, однако, Швеция оказалась явно не готовой. 8-тысячному шведскому войску, находящемуся в Финляндии на границе с Россией, противостояли в два с лишним раза большие силы русских. В результате с началом военных действий превосходящие силы русской армии сами перешли 21 августа (1 сентября) в наступление в направлении Вильманстранда (Лаппеенранта) и без боя взяли этот опорный пункт шведов. Находившиеся в составе шведских войск финны сразу же стали спешно отступать и, как было отмечено, «солдаты бежали столь стремительно, что сбили с ног большинство своих офицеров и многих подавили». Среди покидавших свои позиции войск было к тому же много явных дезертиров.

В такой обстановке шведское командование стало экстренно принимать меры, чтобы пополнить армию свежими войсками. Это удалось сделать только к сентябрю 1741 г. Численность шведской армии была доведена до 17 тысяч человек. Однако в Стокгольме, оценивая складывавшуюся обстановку, не рассчитывали уже на достижение успеха в наступлении и все больше склонялись к мирным переговорам. Они, действительно, тогда начались, но не дали положительного результата.

Военные действия возобновились, когда, через несколько месяцев, в 1742 г. русская армия опять перешла в наступление. Ее действия развернулись тогда вдоль южного побережья Финляндии, на фридрихсгамском направлении. Однако, шведские войска, занимавшие оборону в Фридрихсгамской крепости (Хамина), узнав по слухам еще весной о приближении русского наступления, стали проявлять панические настроения. К тому же

в их гарнизоне вспыхнуло инфекционное заболевание, которое переросло в настоящую эпидемию, вызванную плохими бытовыми условиями содержания войск. Так, в конечном счете, когда русские войска уже подошли летом к крепости, то не встретили сопротивления. Без единого выстрела она в июне была занята наступающей армией.

Шведские войска стали отступать в направлении Гельсингфорса (Хельсинки), оставляя один населенный пункт за другим. Без боя сдались гарнизоны крепостей Нейшлот (Савонлинна), Тавастгус (Хямеенлинна) и Борго (Порвоо). 7 (18) августа специальный отряд русской армии занял столицу Финляндии город Або (Турку). Характерно, что со стороны финского населения проявлялась лояльность по отношению к русской армии. Ее войска приветливо встречались представителям, делегированными от провинций и городов Финляндии. Вообще русское командование руководствовалось в ходе боевых действий на финляндской территории положением, содержащимся в манифесте императрицы Елизаветы I к финскому народу, изданному в марте 1742 г. В нем говорилось о сочувственном отношении России к нуждам финского населения и о гарантии ею самостоятельности Финляндии.

Сам же ход боевых действий русской армии в Финляндии развивался и далее успешно. В августе произошло решающее событие у Гельсингфорса (Хельсинки), к которому уже подошли русские войска. Там удалось блокировать по существу основные силы шведской армии, в результате чего они капитулировали. По условиям капитуляции им было разрешено, сдав оружие, переправиться морским путем в Швецию. Вернувшегося же в Стокгольм главнокомандующего шведскими войсками Ш. Левенгаупта судили и по вынесенному приговору обезглавили на центральной площади шведской столицы.

В последующее время война между Швецией и Россией продолжалась уже только на море. Весной 1743 г. у Аландских островов отряд русский гребной флотилии нанес поражение шведским морским силам. После этого русскому командованию оставалось лишь перенести боевые действия на территорию собственно Швеции. Однако осуществлению такого намерения так и не суждено было сбыться. В августе 1743 г. между обеими странами был заключен мир.

По мирному договору, подписанному в городе Або (Турку), было достигнуто компромиссное решение. Оно сводилось к тому, что Швеция соглашалась выбрать в престолонаследники представителя гольштейн-готторпской (ольденбургской) династии принца Адольфа Фредерика, а Россия ограничивалась тем, что присоединяла к себе лишь небольшую

часть финской территории между рекой Кюмийоки и Выборгом. Иными словами в составе России оставался весь Карельский перешеек и часть территории к северу и северо-западу от Выборга, а также все Приладжье. В результате основные шведские крепости на границе оказывались в пределах России.

Вместе с тем достигалась, казалось, определенная гарантия, что в руководстве шведским королевством будет дружественный российскому престолу монарх. Что было также подтверждено военной помощью, которая Елизавета оказала, когда после окончания войны, в 1743 г., в Швеции начались волнения направленные против Адольфа Фредерика. Россия для поддержания там порядка даже направила 12 тыс. своих войск, которые до 1744 г. контролировали восточное побережье Швеции. Более того в 1745 г. был заключен российский-шведский оборонительный союз, который позволило Стокгольму получать из России соответствующие субсидии и беспешлино торговать с русскими прибалтийскими землями.

Но в России явно переоценивали перспективы будущей политики Адольфа Фредерика. Он оказался явно настроенным в военном отношении максимально противостоять России. Шведский король продолжал использовать пограничные с русским государством территории для усиления своей военной группировки, а также приступил в военном отношении к подготовке южных районов Финляндии для возможных боевых действий против России. В 1747 г. вблизи Гельсингфорса (Хельсинки) развернулось сооружение мощной морской крепости Свеаборг, которая должна была стать подобием «северного Гибралтара». Стало активно вестись строительство новых военных кораблей и усилилось внимание к боевой подготовке армии.

В это время Россия была занята решением собственных внутренних проблем, а также пыталась усилить свое политическое положение в центральной Европе. Более того события, связанные с последствиями участия России в Семилетней войне приводят к резкому обострению российско-датских отношений. Русский царь Петр III даже двинул свои войска против Дании. Только дворцовый переворот, произошедший в то время в Петербурге и воцарение на престоле Екатерины II, спас оба государства от угрозы реального возникновения первой в истории датско-российских отношений войны между двумя этими странами.

Однако кризис в отношениях между Россией и Данией был тогда не долгим, поскольку сразу же после его преодоления началось очевидное сближение двух государств. Оно выразилась прежде всего в развитии экономического сотрудничества, поскольку с этого времени стала опять

весьма интенсивно развиваться датско-русская торговля. Экспорт российских товаров в Данию стремительно вырос, увеличившись с 1763 по 1794 г. на 46 процентов.

Параллельно начали укрепляться и политические связи. 11 марта 1765 г. был подписан российско-датский договор, который фактически являлся союзом между двумя странами. По этому договору внешнеполитические усилия обоих государств опять были направлены против Швеции. Более того, по мнению датского историка Х. Баггера, Копенгаген попадал «в сферу влияния России, где появлялся серьезный риск быть втянутой в войну против Швеции». Действительно, тогда российская дипломатия стремилась выстроить систему широкого союза «северных» государств («северный аккорд»), который предполагал союзные отношения с рядом европейских государств, начиная от Англии и заканчивая Данией и Пруссией. Это союзное объединение должно было бы быть, прежде всего, направлено против усиления влияния французской внешней политики. Но Швецию при этом в Петербурге скорее видели как возможного противника России.

Тем временем в Стокгольме события тоже развивались весьма стремительно. После смерти в 1771 г. шведского монарха Адольфа Фредрика, королевскую власть обрел его сын Густав III. Он же на исходе 17 лет своего правления решил начать войну с Россией. В основе этого решения лежали фантастические планы восстановления Швецией утраченного прежде международного положения и величия страны. Не остановило его в данном случае и то, что по установленному уже в Швеции закону он не имел права предпринимать наступательную войну. К тому же он находился в родственных отношениях с правившей в это время в России Екатериной II, являясь ее двоюродным братом. До войны он переписывался с ней, дважды лично встречался с русской императрицей сначала в Петербурге (инкогнито, под именем графа Готландского), а затем в Фридрихсгаме (Хамина). В знак расположения к нему Екатерины Великой, Густав III был даже избран членом Петербургской Академии наук. Очевидно, что это избрание было явным знаком внимания России к перспективам сотрудничества со Швецией в области развития научных и культурных связей двух государств.

Действительно, к этому времени начался уже реальный научный обмен знаниями между российской и шведской академиями наук, а студенты из России получили тогда еще право проходить обучение в наиболее известном шведском университете в городе Упсала. Одновременно, Екатерина II стала также приглашать из Швеции известных художников,

музыкантов, артистов. Причем Петербург стал превращаться местом растущей иммиграции из Швеции. На юге российской империи недалеко от города Херсона на Днепре также появилось тогда поселение шведских крестьян, которое было названо Старошведское (Вербивка). Таким образом российско-шведские отношения вступали в новую стадию своего развития. Но все это не помешало шведскому королю начать третью в XVIII столетии войну против России.

Очевидно, что в принятии Густавом III своего решения не последнюю роль сыграли и достаточно тесные связи России с извечным шведским противником – Данией. У этого королевства продолжали сохраняться достаточно доброжелательные отношения с Россией. Они выразились в том, что в 1773 г. два государства подписали секретный договор о вечном союзе. «Вечный союз» предполагал также продолжение совместного противостояния Швеции. К тому же датско-российское сближение было еще усилено заключенным в 1780 г. договором о вооруженном нейтралитете и торговом соглашении, которое было подписано в 1782 г.

Тем временем, события развивались так, что в июне 1788 г. в Петербург был направлен из Швеции ультиматум, в котором содержалось требование об установлении ранее существовавшей границы по реке Сестре. На это последовал ответ, что Россия соблюдает положения мирных договоров со Швецией, подписанных в Ништадте (Уусикаупунки) и в Або (Турку). Екатерина II не хотела давать никаких поводов для обострения отношений со Стокгольмом.

Однако, Густав III, подогревая антироссийские настроения, распорядился о высылке из Швеции русского посланника графа А. К. Разумовского. Вслед за этим в течение 21 июня (2 июля) 1788 г. у местечка Пумала на границе с Россией были инспирированы со шведской стороны вооруженные столкновения. А на следующий день Швеция, объявив Россию в агрессивных действиях, развязала войну против нее.

Вступив в войну против России было неблагоприятным с точки зрения внутривнутриполитической обстановки для Густава III, поскольку уже с начала 80-х годов против него возникло скрытое оппозиционное движение. В дворянской среде у части офицеров возник заговор, целью которого явилось бы ослабление королевской власти. Офицеры финляндского происхождения вообще ставили задачу вступить в борьбу за отделение Финляндии от Швеции с помощью русских войск и объявить ее самостоятельность. Через автора проекта этой программы бывшего полковника шведской армии Г. М. Спренгпортена с замыслами заговорщиков была еще до войны ознакомлена Екатерина II.

Тем не менее Густав III двинул свои войска через границу с Россией. 38-тысячная шведская армия во главе со своим королем перешла в наступление и, осадила города и крепости Нейшлот (Савонлинна), Вильманстранд (Лаппеенранта) и Фридрихсгам (Хамина). Ей противостояли значительно меньшие по численности русские войска. К границе была срочно двинута русская гвардия и наспех сформированные части (всего до 19 тысяч под командованием генерала В. П. Мусина-Пушкина). Наряду с начавшимися боевыми действиями на сухопутном фронте произошло морское сражение 6 (17) июля у острова Гогланд (Суурсаари). Шведский флот под командованием брата короля герцога Карла Зюдерманландского получил задание нанести поражение российским военно-морским силам у Кронштадта, а затем с помощью десанта овладеть Петербургом. Однако Гогландское сражение не принесло успеха шведскому флоту и он вынужден был отойти к Свеаборгу. Это означало срыв плана общего похода на Петербург.

Несмотря на неудачу, постигшую шведский флот, Густав III все же решил продолжить наступательные действия сухопутных сил на Выборгском направлении и при поддержке кораблей с моря предпринял попытку взять Фридрихсгам (Хамина). Однако в войсках проявилось широкое недовольство военной политикой короля. Финские полки отказывались вести наступление. В этой обстановке Густав III принял в августе решение снять осаду Фридрихсгама.

Волнения в армии возглавляли участники заговора против короля, которые образовали так называемый Аньяльский союз (возник в местечке Аньяла). Игнорируя короля, аньяльцы обратились с письмом к Екатерине II с предложением о заключении мира. Одновременно в их среде стали раздаваться к тому же призывы о необходимости ареста короля и даже его убийства. Но, в конце концов, они выступили с декларацией, адресованной королю, в которой, заявляя о незаконности ведения наступательной войны и сообщая о направленном к Екатерине II обращении о мире, выдвигали требование о созыве риксдага для вынесения соответствующего решения.

Получив декларацию, король побоялся применить к аньяльцам решительные меры, ибо не знал, насколько тогда были верны ему шведские войска, находящиеся в Финляндии. Эти опасения были небезосновательными. Волнения охватили по существу большую часть армии. В результате он решил снять осаду Нейшлота и отвести войска к границе.

Тем временем и от Екатерины II аньяльцы получили обескураживший их ответ. Она объяснила, что Россия может согласиться начать пере-

говоры только после того, как с соответствующим предложением к ней обратиться риксдаг. В такой обстановке в антикоролевском движении возникла трещина. Часть аньяльцев (главным образом шведские офицеры) стали решительно высказываться против отделения Финляндии, тогда как финляндцы наоборот считали это наиболее важной задачей заговора.

Оценив для себя обстановку, как весьма неблагоприятную, король решил уехать с фронта в Стокгольм. Официальным обоснованием отъезда было полученное сообщение об изменившемся положении Швеции в связи с объявлением ей Данией войны. Выполняя договор с Россией, датчане также начали боевые действия, переходя через шведскую границу с территории Норвегии.

Вместе с тем, сменивший в конце августа короля на фронте его брат герцог Карл отвел войска в глубь территории Финляндии, где разместил их на зимние квартиры. В тех условиях Аньяльский союз фактически распался и власти поспешили расправиться с его участниками. По распоряжению Густава III большинство их было арестовано, но отдельным удалось бежать в Россию. Суд вынес смертный приговор 80 офицерам. Король, правда, заменил это наказание пожизненной каторгой.

В условиях восстановления Густавом III своего властного положения в стране и ликвидации оппозиции в лице дворянства он продолжил вести войну с Россией, хотя боевые действия носили преимущественно характер отдельных вооруженных столкновений. Единственное крупное сражение произошло на море 13 (24) августа 1789 г. вблизи Фридрихсгама (Хамина). Оно закончилось большой победой русского флота. После нескольких часов боя часть шведских судов отступила, а другая вынуждена была сдаться. В следующем году российские моряки отбили попытки шведов нанести удар по кораблям, стоявшим в Ревеле (Таллинне) на рейде.

Вообще же, создав к этому времени самый крупный флот за всю историю Швеции – 175 боевых судов, Густав III планировал с помощью его нанести удар прямо по столице России с моря. Заняв к концу мая 1790 г. ключевые позиции на Финском заливе, шведские корабли выдвинулись на подступы к Кронштадту. Их у южного побережья залива в районе Красной Горки встретила 23 мая (3 июня) Кронштадтская эскадра под командованием вице-адмирала А. И. Круза. Здесь завязалось сражение, длившееся в течение двух дней. Гром артиллерийского огня двух флотов был слышан в Петербурге. Екатерина II лично внимательно следила за тем, как развивались события на подступах к городу, выехав для этого в Кронштадт. Русскому флоту удалось воспрепятствовать прорыву шведов к российской

столице, а после подхода Ревельской эскадры адмирала В. Я. Чичагова они вообще вынуждены были отступить от Петербурга.

Шведские корабли повернули на Запад и вошли в Выборгский залив. Однако это оказалось их роковой ошибкой, поскольку выход из залива блокировал российский флот. С большими потерями шведы вынуждены были 22 июня (3 июля) прорываться из кольца окружения. Сам Густав III, находившийся на одном из кораблей, спасся бегством в шлюпке.

Выборгская баталия окончательно определила исход всей кампании. План похода на Петербург совершенно провалился и Швеция оказалась на грани полного поражения. Лишь только тактический успех, который был достигнут шведским флотом в последнем морском сражении этой войны 28 июня (9 июля) у Фридрихсгама (Хамина), позволил Густаву III надеяться на сравнительно почетный мир.

Мирные переговоры, которые проводились в местечке Вереля (вблизи реки Кюменйоки) привели к тому, что в начале августа 1790 г. все-таки был подписан мир. По существу оба государства стремились к этому соглашению. Швеция уже просто не могла дальше продолжать войну, а Россия в это время также испытывала трудности, находясь в состоянии войны с Турцией и ощущая к тому же серьезное давление со стороны Англии и Пруссии, которые опасались усиления российского государства.

Заключенный между Россией и Швецией мирный договор подтвердил условия Абоского мира 1743 г. На его основе проявилось желание шведского короля и русской императрицы восстановить добрые отношения друг с другом. Более того, уже в следующем году между Россией и Швецией был заключен Дротнингольмский союзный договор, который явился первой попыткой создания антифранцузской коалиции. К тому же по данному соглашению, стороны договаривались оказывать друг другу содействие и, при необходимости, военную помощь. Параллельно Россия выразила согласие оказать финансовую помощь Швеции, а Густав III предложил даже укрепить дружественные узы двух государств заключением брачного союза между его сыном и одной из внучек Екатерины II.

Однако в 1792 г. в результате покушения Густав III был убит и на королевский трон вступил его юный сын Густав IV Адольф. При новом монархе российско-шведские отношения продолжали успешно развиваться. Это свидетельствовало о серьезных изменениях, которые стали происходить в отношении скандинавских государств к российской империи.

В результате можно говорить, что к концу XVIII века Россия добилась значительных успехов в своей политике в Северной Европе и имела существенное влияние на скандинавские страны. Линия российской дипло-

матии оказывалась весьма определяющей как на позицию Швеции, так и на ситуацию в Дании. По этому поводу, в частности, датский историк Х. Баггер отмечал, что тогда уже «Дания попала в немалую зависимость от России в международной политике», сравнивая «Данию с крохотной шлюпкой, пришвартованной к большому линкору и влекомой вслед за ним по бурному морю».

С другой стороны, следует учитывать, что в новых условиях приоритеты российской внешней политики распространялись значительно дальше Балтийского моря и в этом случае политика России по отношению к странам Северной Европы стала уже отходить у нее на задний план. В целом в конце XVIII века для Российской империи весьма существенной проблемой во внешней политике уже являлась борьба против республиканской Франции. В эту борьбу были втянуты и страны Северной Европы.

Присоединение Финляндии к России и завершение периода русско-шведских войн

В условиях продолжающихся наполеоновских войн в международных отношениях в Европе в начале XIX века дальнейшие события характеризовались весьма сложной расстановкой политических сил. Объективно Россия здесь продолжала оказывать влияние на скандинавские государства, вплоть до того, что заключила со Швецией в 1799 г. т.н. Гатчинский договор, по которому теперь шведы даже брали на себя обязательство выставить свою армию для войны против Франции. Более того в следующем 1800 г. в целях совместной защиты Россия, Швеция, а так же Дания и Пруссия подписали совместный договор о вооруженном нейтралитете, что еще более углубил консолидацию прежде всего северных стран. В последующем, уже с воцарением в России Александра I дружественные отношения со скандинавами продолжали устойчиво сохраняться.

К тому же в 1805 г., когда между Францией и Англией шла война, образовалась известная в истории третья антифранцузская коалиция в составе Англии, Австрии, России и Швеции. Причем объединенной шведско-русско-английской армией в период Померанской войны 1805–1807 гг. уже командовал лично Густав IV. Но, возглавляя войска, шведский король избегал крупных сражений и не смог добиться серьезных успехов. Его войска нередко терпели и явные неудачи.

Однако, как известно, Россия вышла из антифранцузской коалиции и летом 1807 г. в Тильзите был заключен мир между Александром I и Напо-

леоном. При этом русский император обещал Бонапарту оказать соответствующее воздействие на Швецию, чтобы она примирилась с Францией и примкнула к континентальной блокаде Англии. Этот факт еще раз свидетельствовал о том, что Россия рассматривалась тогда в Европе, как государство способное влиять на шведскую политику. Однако шведский король, будучи непримиримым врагом наполеоновской Франции, проигнорировал призывы и дипломатические давления, предпринимавшиеся со стороны Александра I. На Густава IV не повлияло и то, что соседняя со Швецией Дания в августе 1807 г. объявила войну Англии и присоединилась к континентальной блокаде этого государства, подписав союзный договор с Францией.

Оказывая давление на Швецию, Дания также брала на себя обязательство вместе с Россией объявить шведам войну, если Густав IV откажется присоединиться к анибританской коалиции. К тому же в это время русские войска стали уже концентрироваться у финляндской границы. Наполеон был, естественно, заинтересован в таком развитии событий. Тем не менее, точка зрения о том, будто бы Александр I уже в Тильзите решил вопрос при переговорах с Наполеоном о необходимости захватить и присоединить Финляндию к России не подтверждается документами.

Тем временем, 5 (17) февраля 1808 г. Россия предъявила Швеции ультиматум, в котором содержалось требование, чтобы та присоединилась к коалиции России, Франции и Дании. Не получив ответа, Александр I 8 (20) февраля начал войну и двинул свои войска в Финляндию. По требованию Наполеона в марте войну Швеции также объявила Дания.

Русские войска под командованием опытного генерала Ф. В. Буксгевдена, воевавшего в 1788–1790 гг. под руководством А.В.Суворова против турецкой армии и в 1805 г. под командованием М. И. Кутузова во время Аустерлицкого сражения, наступали в глубь Финляндии по трем направлениям. Одно из них – вдоль побережья Финского залива на Гельсингфорс (Хельсинки). Там группировкой войск командовал не очень способный и нерешительный генерал М. Д. Горчаков (позднее его сменил молодой и энергичный генерал Н. М. Каменский). Другое направление – в центре в сторону Тавастгуса (Хямеенлинна). Эту группировку войск возглавлял генерал П. И. Багратион, зарекомендовавший уже себя как талантливый полководец, участвовавший в героическом походе А. В. Суворова в 1799 г. через Альпы. Наконец, третье направление брало начало из Северного Приладожья и предусматривало продвижение по озерной части Финляндии к городу Куопио. Здесь группировка войск должна была продвигаться под командованием генерала А. А. Тучкова – будущего героя Отечествен-

ной войны 1812 г., погибшего во время Бородинского сражения. В задачу этих войск входило отсечь находившиеся в Восточной Финляндии силы шведов от отрядов, прикрывавших подступы к Тавастгусу, то есть обеспечивать правый фланг группировки Багратиона. Общая численность всех русских войск составляла до 25 тысяч человек.

Главномандующим шведскими войсками в Финляндии был генерал граф В. М. Клингспор, однако он не отличался талантами полководца. Его характеризовали как изнеженного человека. В карете, где он передвигался, следуя к своим войскам, генерал был обычно обложен множеством мягких подушек. В сентябре 1808 г. он получил отставку за то, что так и не справился с управлением шведской армии. Клингспор был заменен престарелым генералом К. Н. Клеркером. Численность шведских войск тогда достигла 22 тысячи человек.

Перед самым наступлением русской армии в целях достижения к ней со стороны населения Финляндии больше доброжелательности был подготовлен специальный манифест, обращенный к финнам, в котором объяснялся вынужденный характер начавшейся войны и неизбежность временного присоединения их страны к России. Финскому народу гарантировалась незыблемость гражданских прав и законов. В заключительной части манифеста содержался призыв для решения вопросов, касающихся управления страной, избрать своих представителей на особое собрание (сейм), которое должно было состояться в Або (Турку). В свою очередь Александр I потребовал от командующего войсками Буксгевдена поддержания в армии такого жесткого порядка, чтобы оградить финское население от каких либо ущемлений и проявления несправедливости. Из поступавших затем донесений стало известно, что наступавшие русские войска «жители принимали хорошо».

Русская армия, несмотря на февральскую стужу и снежные заносы дорог, продвигалась в глубь Финляндии довольно быстро. Шведские войска, следуя приказу короля, отходили в тыл, чтобы до прихода основных сил из Швеции сохранить безопасность. Это приводило однако к падению морального духа солдат.

В течение трех недель наступления русские войска овладели центральной и южной частью Финляндии, после чего стали продвигаться к побережью Ботнического залива. После занятия Гельсингфорса (Хельсинки) была блокирована 18 февраля (3 марта) крепость Свеаборг. Под руководством генерала П. К. Сухотелина началась ее длительная осада. Комендант крепости заявил, что капитулирует, если к началу мая не подойдет из Швеции подкрепление.

Но уже 18 февраля (3 марта) в прокламации, обращенной к финскому населению со стороны русского командования, объявлялось, что с этого времени Великое Княжество Финляндское считается завоеванным и его жители будут пользоваться всеми привилегиями подобно населению других провинций империи. А 10 марта (22 марта) со взятием главного города Финляндии Або (Турку) было объявлено особой декларацией обращенной ко всем державам, что Финляндия признается российской областью навсегда присоединенной к империи.

Через десять дней, 20 марта (2 апреля), Александр I в изданном им особом манифесте сообщил: «Страну сию, оружием Нашим покоренную, Мы присоединяем отныне навсегда к Российской империи, и вследствие того повелели Мы принять отныне навсегда к Российской империи, и вследствие того повелели Мы принять от обывателей на верное Престолу Нашему подданство».

Но ведение боевых действий далеко не было еще закончено. Русские войска продолжали вести наступление дальше в прибрежной и центральной части Финляндии. В марте войска генерала А. А. Тучкова взяли город Куопио, а войска генерала П. И. Багратиона, овладев Таммерфорсом (Тампере), нанеся затем поражение шведам к востоку от Бьернеборга (Пори), они заняли этот город, выдя к побережью Ботнического залива к северу от Або (Турку). Далее русские войска также высадились на Аландских островах и заняли их. Несколько раньше, на северном участке ботнического побережья части полковника Н. Н. Раевского, будущего героя Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения, овладели городом Ваза (Вааса). А еще севернее кавалерийские отряды В. П. Кульнева также прославившегося затем в 1812 г., действуя партизанскими методами, пройдя с боями за 22 дня 600 верст, вынудили шведов отступить к городу Улеаборгу (Оулу). За эту операцию Кульневу было тогда присвоено звание генерал-майора.

На юге Финляндии русские войска также овладели в апреле Гангутом (Ханко) и вошли в капитулировавшую без возобновления боевых действий крепость Свеаборг. При этом с овладением Свеаборга были получены значительные трофеи: 2 тысячи орудий, 9 тысяч ружей, 340 тысяч различных снарядов и 110 военных судов. В плен сдалось 7,5 тысяч человек из состава гарнизона крепости. По свидетельству современников, падение этого «северного Гибралтара» тяжело переживалось в Швеции. Король Густав IV, узнав об случившемся, плакал. А коменданта Свеаборга адмирала К. О. Кронстедта заклеили как изменника. В Петербурге же лико-

вали, устроив торжественный церемониал войск у «медного всадника» и проведя в этой связи в церквях специальное богослужение.

Тем не менее, несмотря на достигнутые русскими войсками успехи, шведская армия избежала все же полного поражения. Ее главнокомандующий В. М. Клингспор, отведя до 13 тысяч войск, сохранивших свою боеспособность, в район Улеаборга (Оулу), предпринял в начале мая контрнаступление в южном направлении и достиг успеха в боях против довольно распыленных сил русской армии, заняв ряд населенных пунктов. Шведскому командованию удалось организовать и партизанскую борьбу в ряде мест центральной части Финляндии, в Карелии и на Аландских островах. Все это создало сложную обстановку для отдельных русских частей, подвергавшихся ударам с фронта и тыла. Им пришлось даже в середине 1808 г. оставить ряд своих прежних позиций, в том числе Аландские острова, город Ваза (Вааса) и некоторые районы Восточной Финляндии. В силу такой ситуации потребовалось значительно увеличивать количество войск и делать перестановки в их руководстве.

Численность русской армии в Финляндии была доведена до 55 тысяч человек. К руководству войсками был привлечен М. Б. Барклай де Толли. Он стал командовать войсками в озерной части Финляндии. Войскам Барклая де Толли удалось овладеть ранее оставленным городом Куопио. Успешно были проведены также наступательные операции летом и в начале осени под командованием генерала Н. М. Каменского, который нанес ряд мощных ударов по шведским войскам на вазаском направлении, продвигаясь вдоль побережья Ботнического залива, где он сменил в командовании генерала М. Д. Горчакова. Результативно действовал также корпус генерала А. А. Тучкова, продвигавшийся с боями на улеаборгском направлении, заставляя шведов отходить к границе. В конечном счете, в октябре–ноябре шведские войска были окончательно вытеснены с территории Финляндии.

За этим последовало заключение соглашения о перемирии 7 (19) ноября 1808 г., по условиям которого шведы уступали России почти всю Финляндию вплоть до реки Кемийоки на севере страны. Однако такой исход шведской кампании вовсе не мог устроить Францию. Наполеон стал открыто побуждать Александра I добиться полного разгрома Швеции и тот пошел на то, чтобы перенести военные действия на ее территорию.

Для осуществления этой задачи была произведена смена руководства русскими войсками. Главнокомандующим в Финляндии теперь стал генерал Б. Ф. Кноринг, который прежде резко критиковал Ф. В. Буксгевдена за безынициативность. Русские корпуса размещенные на финской террито-

рии, общей численностью 48 тысяч человек, возглавили соответственно П. А. Шувалов, М. Б. Барклай де Толли и П. И. Багратион.

В силу того, что главнокомандующий не видел возможности начать наступление в сложных зимних условиях, оно было предпринято ранней весной 1809 г. Но и тогда трудной проблемой являлось вступление войск на территорию Швеции, поскольку планом боевых операций предполагалось, что главные силы русской армии должны были прямо по льду Ботнического залива перейти на противоположный, шведский берег. Снег во многих местах был выше колена. К тому же перед началом наступления на залив лед был взломан сильным штормом и опять смерзшись, образовал ледяные торосы, через которые было крайне сложно провести большое количество войск. Тем не менее 5 (17) марта корпус Багратиона выступил из района Або (Турку) с тем, чтобы занять Аландские острова, а отряд генерала Кульнева сумел даже достигнуть и шведского побережья в 85 км. от Стокгольма в районе Грислахамна.

Наиболее трудным было продвижение через залив корпуса Барклай де Толли, который 4 (16) марта выступил из Ваза (Вааса) в направлении шведского города Умео. В течение восьми суток солдаты шли по глубокому снегу, преодолевая ледяные утесы и торосы. Требовалось тащить на себе все орудия и обоз. Огонь разводить было запрещено, чтобы шведы не смогли обнаружить приближение русских войск. Барклай де Толли впоследствии откровенно так сказал об этом тяжелом походе: «Не нужно веховать Кваркена, я развеховал его трупами». Но при этом он с гордостью добавлял, что «понесенные в сем походе трудности единственно только русскому преодолеть можно». Огромным было изумление шведов – жителей города Умео, когда они увидели 12 (24) марта вступившие в город войска Баркляя де Толли. Шведское командование также было глубоко убеждено в невозможности свершения такого перехода и поэтому здесь не было предпринято никаких мер для обороны.

Двинувшийся же по побережью Ботнического залива из Улеборга корпус Шувалова также достиг важного в стратегическом отношении города Торнео и овладел им. Наступление этого корпуса на крайнем севере залива однако испытывало не меньшие трудности. Стужа и болезни косили ряды русских войск. Двигаться на лыжах было невозможно. Оружие обледеневало. Тем не менее войска имели очевидный успех. Продвигаясь по шведской территории, они окружили в районе Шеллефтео отряд шведского полковника Фурумарка, а также взяли в плен генерала Грипенберга.

Поражение шведских войск усилило нараставшее в Швеции недовольство королем Густавом IV. Уже 1 (13) марта в Стокгольме был совер-

шен дворцовый переворот, в результате которого регентом стал его дядя герцог Карл (будущий Карл XIII). После этого со шведской стороны стали проявлять стремление заключить перемирие.

Тем временем в Финляндии шел процесс, направленный на создание органов управления и осуществления идеи созыва представительного собрания (сейма). Еще в декабре 1808 г. состоялось назначение финляндским генерал-губернатором, упоминавшегося выше идеолога сепаратистского движения, Г. М. Спренгтпортена, который должен был непосредственно быть подчинен царю. В январе 1809 г. Александр I подписал рескрипт о созыве в марте сейма. При этом он впервые назвал себя великим князем Финляндии. Открытие сейма предусматривалось теперь уже в городе Борго (Порвоо), куда и должны были прибыть депутаты от четырех финских сословий (дворян, духовенства, горожан и крестьян). Сейм фактически рассматривался как учредительное собрание страны.

15 (28) марта, в день открытия сейма, Александр I подписал грамоту, в которой говорилось, что, «вступив в обладание Великою Княжества Финляндского», он признает и подтверждает религию, «коренные законы», права и преимущество, которыми пользовалось его население. При этом Александр I обещал сохранить «в нерушимой их силе и действии». Было совершенно очевидно, что издание этой грамоты российское правительство стремилось привлечь на свою сторону бывших подданных шведского короля и умиротворить ту часть финского населения, которая с оружием в руках действовала в тылу русских войск.

Специально для церемонии открытия сейма из Москвы был доставлен даже царский трон. Он был установлен в городской церкви у алтаря, а затем – в зале гимназии, где проходили дальнейшие заседания. В день же открытия сейма, 16 (29) марта, Александр I произнес речь, обратив внимание на необходимость рассмотрения ряда неотложных вопросов: о военном устройстве, об изымании налогов, о финансовой системе и о государственных учреждениях. Царь всячески стремился подчеркнуть радушие и близость к своим «финским подданным». По случаю открытия сейма в Борго был организован грандиозный бал, на котором принял участие и император.

Сама же работа сейма проходила при участии известного реформатора и правоведа М. М. Сперанского, а также губернатора Г. М. Спренгтпортена. На его заседаниях, продолжавшихся до начала июля 1809 г. уже в отсутствии царя, были обсуждены намеченные им вопросы, касавшиеся организации управления Финляндией. Депутаты сейма приняли присягу в своей верности российскому императору. К присяге стали приводить

затем войска и все финское население. Так произошло само юридическое оформление присоединения к России Финляндии в качестве Великого княжества. Впоследствии, в 1812 г., Александр I принял решение о включении в состав территории Финляндии также Выборгской губернии. В результате граница княжества на Карельском перешейке с этого момента стала проходить по реке Сестре.

Постоянным представителем императора в Финляндии стал генерал-губернатор. Финляндия же имела своего представителя в Петербурге, именовавшегося впоследствии статс-секретарем, который докладывал финляндские дела непосредственно царю, минуя общегосударственные органы управления. В результате, как отмечалось в отечественных изданиях, «из совокупности рядовых шведских провинций (ленов) Финляндия была поднята на уровень автономного великого княжества в составе Российской империи».

Война России со Швецией однако еще продолжалась. Она продолжалась до осени 1809 г., хотя вопрос о ее прекращении официально был поставлен шведской стороной в начале лета, когда в июне министр иностранных дел Л. Энгстрём обратился к главе российского внешнеполитического ведомства Н. П. Румянцеву с письмом, в котором сообщал о готовности Карла XIII вступить в мирные переговоры. После некоторых колебаний Александр I сообщил М. Б. Барклаю де Толли, являвшемуся уже в то время главнокомандующим русскими войсками в Финляндии, о желании, наконец, приступить к этим переговорам и они начались 3 (15) июля 1809 г. в городе Фридрихсгаме (Хамина). Со стороны России их вел лично граф Н. П. Румянцев, которому предстояло твердо отстаивать позицию России в вопросе о будущих границах со Швецией. Дело в том, что глава шведской делегации барон Л. Стединг, как это проявилось с самого начала переговоров, хотел добиться того, чтобы не вся занятая русскими войсками территория передавалась России. В частности, Швеция хотела оставить за собой Аландские острова и чтобы граница проходила по реке Кеми. Стединг даже писал своему правительству, что если осуществить высадку десанта численностью 25 тысяч человек в тылу русских войск, находящихся на севере Швеции, то «Финляндия опять будет нашей».

Такая попытка действительно была предпринята, когда в августе 1809 г. в районе города Умео два шведских отряда общей численностью 13 тысяч человек пытались окружить и разгромить более чем вдвое меньшие по количеству русские силы. Тогда здесь командовал войсками генерал Н. М. Каменский. Под его руководством шведам, однако, опять было нанесено поражение. В этой связи Румянцев писал Каменскому, что одер-

жанная им победа явилась «отличным рекомендательным письмом, которым Вы поддержали мои фридрихсгамские переговоры».

5 (17) сентября 1809 г. мирный договор в Фридрихсгаме (Хамина) был подписан. В нем содержались следующие положения: Швеция уступила России всю завоеванную русскими войсками Финляндию и Аландские острова; российско-шведская граница на севере была проведена по рекам Торнео и Муонио; Швеция присоединялась к континентальной блокаде; войдя в состав России, Финляндия сохраняла прежнюю конституцию и сейм; шведам предоставлялась возможность покинуть Финляндию и переехать в Швецию, а финнам, проживавшим в Швеции, выехать в Финляндию; восстанавливалась нарушенная войной торговля между обеими странами. «Отныне будет вечно забвение прошлого...», – говорилось в этом договоре.

Так решился вопрос о присоединении Финляндии к России. Стратегические соображения диктовали командованию русской армии необходимость закрепления новых рубежей империи, выдвинувшихся к Ботническому заливу и северным границам Швеции. Это, однако, не таило в себе в последующем какую-либо угрозу Швеции со стороны России. В письме Александра I Карлу XIII 4 (16) октября 1809 г. говорилось: «Государь, брат мой и кузен... Буду стремиться всемерно укреплять мир между нами, доказывая тем самым искренность моих намерений способствовать благоденствию Швеции». Последующее мирное развитие российско-шведских отношений вполне подтвердило это. Больше оба государства не воевали друг против друга и осуществляли в целом вполне добрососедские отношения.

Так закончился весьма длительный период русско-шведских войн и можно со всей определенностью сказать, что Швеция явилась одним из самых сложных для российской внешней политики государств, с которым России на протяжении не одного столетия приходилось постоянно вести боевые действия. В результате шведское королевство оказалось, может быть, одной из тех западных стран, с которыми русские больше всего воевали за всю очень богатую событиями русскую историю.

Взаимоотношения России с государствами Северной Европы в XIX-м – нач. XX-го века

Период после окончания последней русско-шведской войны отношение России со Швецией оставались, конечно, достаточно не простым. Причем российскими и шведскими историками принято считать, что именно

«1809–1818 годы явились переломным периодом в русско-шведских отношениях от враждебности и войн к становлению добрососедства». В это десятилетие произошло ряд значительных событий, повлиявших на ход развития отношений между двумя государствами.

Прежде всего в августе 1810 г., когда возник в Швеции вопрос о новом престолонаследнике, риксдаг избрал им французского маршала Жанна Батиста Бернадота. Он становился приемником бездетного короля Карла XIII под именем Карла Юхана. Для отношений с Россией это имело немаловажное значение, поскольку Карл Юхан, несмотря на проявлявшегося в Швеции реваншистского духа по отношению к восточному соседу, основанного на надеждах получить помощь Наполеона, взял курс на сближение с Российским государством и дал ясно понять Александру I, что вместо утраченной территории на востоке Швеция будет стремиться получить новые земли в Норвегии. Это стало известно, в частности, уже в декабре 1810 г. во время переговоров Карла Юхана с представителем русского императора князем А. И. Чернышевым. Более того, в течение последующего времени Карл Юхан пытался еще добиться согласия России поддержать его в давлении на Данию, чтобы заставить ее отказаться от Норвегии в пользу Швеции.

Усилия Карла Юхана завершились подписанием между Россией и Швецией 24 марта (5 апреля) 1812 г. в Петербурге нового союзного договора, в котором статья пятая гласила: «...император всероссийский обещает и обязывается обеспечить присоединение Норвегии к Швеции либо путем переговоров, либо путем оказания военной помощи...» Этот договор, подписанный графами Н. П. Румянцевым и К. А. Лёвенгельмом, был подтвержден в Або (Турку). «...Во время переговоров, – писал И. Андерссон, – обсуждался также вопрос о Финляндии, но безрезультатно. Норвегия стала призом Карла Юхана».

Последующие события тем временем развивались так, что в 1812 г. Наполеон, порвавший с Россией и развернувший затем наступление против нее, потерпел поражение. Швеция, расторгнув дипломатические отношения с Францией, усилила давление на Данию, являвшуюся союзницей Наполеона, чтобы заставить ее без войны уступить Норвегию. Александр I в этом отношении активно поддерживал действия шведского правительства вплоть до того, что летом 1813 г. санкционировал разрыв дипломатических отношений с Копенгагеном, когда Дания в июле заключила договор и военную конвенцию с Францией.

Таким образом политика России в отношении стран Северной Европы носила достаточно чуткий характер, выработанный еще в предшествую-

щий исторический период. По этому поводу отмечал датский историк Ханс Баггер: «...В политике России просматривается определенная модель поведения в отношении скандинавских стран. Когда Россия искала союза с Данией, то преследовала агрессивные цели против Швеции. Напротив, выбирая курс на конфронтацию с Данией, она брала себе в партнеры Швецию» и «проводила в отношении к северным державам политику “разделяй и властвуй”». Отмечая данную особенность внешней политики России в отношении скандинавов, следует однако отметить, что, безусловно, здесь в данном случае имелись и собственные узкокорыстные интересы как датчан, так и шведов, которые, собственно, облегчали проведение подобной политики Российской империей. К тому же эта политика была продиктована и общеевропейским развитием характера международных отношений.

Ярким примером в данном случае явилось то, что тогда же была достигнута между Александром I, Карлом Юханом и прусским королем Фридрихом Вильгельмом договоренность о совместной борьбе против Франции. И когда три больших армии этих государств, насчитывавшие не менее 158 тысяч человек, развернули решительные боевые действия против Наполеона, позиции Дании явно ухудшились. После поражения наполеоновских войск под Лейпцигом в октябре 1813 г. Карл Юхан повел объединенные силы трех стран к датским границам. Однако развернувшиеся против Дании военные действия союзников оказались не долгими. Будучи вынуждены отступить, датские войска не смогли долго оказывать сопротивление. Королю Дании Фредерику VI пришлось пойти на заключение мирного договора, который был подписан в городе Киль в январе 1814 г. Норвегия по этому договору становилась объединенной со шведским королевством, причем предварительно текст этого договора непосредственно одобрила Россия.

После включения Норвегии в состав Швеции также четко определилась российско-норвежская граница. Дело в том, что на Крайнем Севере между Россией и Норвегией в течение ряда столетий не существовало установленной границы, что создавало определенные сложности у соседних жителей русской Колы и норвежского Вардсё. Только в 1825 г. состоялась демаркация границы, а в следующем году в Петербурге было подписано надлежащее соглашение, которое учло «в известной мере норвежские пожелания». Причем, как подчеркивает норвежский исследователь У. Ристе, «сговорчивость русских частично объяснялась стремлением русского царя поддерживать дружеские отношения с Карлом XIV Юханом».

Но для России тогда оставалось важным не только «поддерживать дружеские отношения с Карлом XIV Юханом». Отношения с Копенгагеном тоже представляло определенный интерес для русского правительства о чем свидетельствовал факт заключения в сентябре 1815 г. союзного договора между Российской империей и Датским королевством. Причем уже в следующем, 1816 году Дания стала членом Священного союза и ее войска тоже принимали участия в боевых действиях против Франции.

Поражение же наполеоновских войск означало начало нового сравнительно мирного периода развития в Европе. Это также отразилось и на российско-шведских отношениях. Они уже сохраняли нормальный, бесконфликтный характер. Карл Юхан старался проводить сбалансированную политику как с Россией, так и с Англией, которая на том этапе тоже начала играть важную роль в делах стран Северной Европы. Что же касается России, то в Петербурге явно не стремились поддерживать какую-либо возможность усиления Швеции. Поэтому как при царе Александре I, так и Николае I в России зорко следили за любыми проявлениями стремления шведов расширить свое влияние в Скандинавии. В Петербурге, в частности, с большим подозрением относились ко всякой перспективе укрепления шведской королевской власти на территории Норвегии и наоборот косвенно поддерживали сопротивление ее населения регулярным попыткам Стокгольма добиться полного слияния двух государств. В результате, как считают норвежские исследователи, Россия здесь играла «парадоксальную роль гаранта автономии Норвегии в рамках унии» этого государства со шведским королевством.

С другой стороны, одновременно у Швеции, как и у Дании начали проявляться совершенно новые тенденции во внешней политике, направленные на достижение своего максимального сближения. С конца 30-х и до середины 60-х гг. XIX века среди национально-либеральных кругов обеих стран наблюдался процесс формирования концепции т.н. скандинавизма. Такая концепция способствовала преодолению возникшей разобщенности между скандинавскими народами за годы предшествовавших войн и конфликтов.

Вместе с тем в условиях начавшегося в 1853 г. европейского и ближневосточного политического кризиса, а вскоре уже и Крымской войны, у Соединенных Шведско-Норвежских королевств, а также отчасти у Дании проявилась скрытая антирусская направленность в проведении политического курса. В результате стала весьма четко осуществляться межскандинавское сотрудничество, в котором начала проявляться проанглийская и профранцузская ориентация, а также стремление противостоять России.

Это был по существу первый серьезный внешнеполитический поворот, который произошел у северных стран после завершения времени наполеоновских войн. Причем этот новый нюанс во внешнеполитической линии скандинавов осуществлялся в рамках скандинавского единства и под официальным прикрытием «нейтрального сотрудничества». Как отмечал при этом известный российский историк профессор В. В. Рогинский, «Англия и Франция, используя жупел русской угрозы и враждебность передовой скандинавской общественности к реакционному царизму, склоняли стокгольмское правительство к военному выступлению против России». Шведский король Оскар I, в частности, действительно непосредственно начал поддерживать усилия западных держав в данном направлении. Неслучайно, поэтому печать Соединенных королевств тогда явно «внушала мысль о грозящем нападении с востока и надежды на возврат Финляндии под шведскую власть».

Вдохновляющим же для шведского короля были в данном случае действия кораблей англо-французского флота на Балтике. В августе 1854 г. ими были разрушены русские укрепления на Аландских островах (Бомарсунд), а в августе следующего года объединенная англо-французская эскадра пыталась захватить Гельсингфорс и прикрывающую его крепость Свеаборг. Но Оскар I считал все же такие действия Англии и Франции на Балтийском море недостаточно эффективными. Он с огорчением замечал, что вместо того, чтобы под Петербургом «схватить великана за горло», Англия и Франция, действуя в Крыму, «предпочли лишь наступить ему на мизинец».

Таким образом, явно отходя от нейтралитета, шведский король имел намерение вступить в войну с Россией. При этом он заручился в ноябре 1855 г. договором с Англией и Францией, по которому западные державы должны были гарантировать неприкосновенность Соединенных королевств от посягательств России. Такой шаг, по словам шведского историка Й. Вейбулля, «означал окончательный разрыв с Россией и прусской линии в шведской внешней политике». Дания же в данном случае не поддерживала действия Стокгольма и всем своим поведением давала понять, что строго следует соблюдению политики нейтралитета. Также достаточно критически отнеслись к этому договору и в Норвегии.

Вместе с тем война подходила к концу. Парижский мир 1856 г. поставил точку на воцелении Оскара I. По оценкам, дающимся историками в Стокгольме, этот мирный договор «подорвал надежды шведов на то, чтобы, наконец, получить обратно Финляндию или хотя бы Аландские

острова». По заключенной, однако, англо-франко-русской конвенции предусматривалась демилитаризация Аландского архипелага.

Естественно, проявившиеся в Швеции реваншистские настроения имели соответствующие негативные последствия – явное охлаждение отношений России к шведскому государству и к провозглашавшимся идеям скандинавизма. В Петербурге весьма болезненно начали обращать внимание на то, какие результаты для России могло иметь нараставшее при новом шведском короле Карле XV (сыне Оскара I), движение скандинавизма. Дело заключалось в том, что усиление проунионистских настроений сопровождалось пропагандистскими утверждениями о «русской угрозе Северной Европе».

В последующие годы, в период нахождения у власти в Швеции уже Оскара II (1872–1907), в шведской внешней политике все же произошли перемены. Но эти перемены, тем не менее, в меньшей степени затрагивали отношения Соединенных Шведско-Норвежских королевств с Россией. Теперь можно было лишь почувствовать, что в Стокгольме довольно определенно берется курс на развитие тесного сотрудничества с Германией. Позиция шведского министерства иностранных дел стала такой: в новой Германии Бисмарка Швеция должна видеть «своего лучшего друга». При этом отношение к России оставалось сдержанно негативным.

Отличительной же особенностью российско-шведских межгосударственных связей, однако, стало то, что наряду с элементами политической подозрительности и отчужденности, характеризующие тогда отношения двух государств, между ними начали налаживаться достаточно разнообразные коммерческо-деловые контакты. Дело в том, что, как подметила московская исследовательница-скандинавист О. В. Чернышева, Швеция тогда оказалась «в первом ряду стран, через которые Россия выходила на Европу». Таким образом, Петербургу важным оставалось сохранять плотные экономические связи со Швецией. При этом и Стокгольму также эти связи были весьма полезны, что реально стало выражаться в развитии экспорта в Россию шведских товаров, а также в активном внедрении шведского капитала в российскую экономику. Этому явно способствовала также наметившееся ко второй половине XIX в. определенная иммиграция жителей Швеции на территорию Российской империи и особенно переселения их в Санкт-Петербург.

К концу века в результате этого в столице России проживало, по данным переписи, уже около тысячи граждан Соединенных королевств. Причем, как отмечает шведский исследователь Б. Янгфельт, количество жителей Петербурга, которые считали себя скандинавами, тогда было

даже еще значительно больше. По его данным, накануне Первой мировой войны в городе «шведский приход насчитывал от шести до семи тысяч членов, из которых преобладающая часть составляли финляндские шведы». Далее, поясняя это, он отметил, что «не менее чем десятая доля приходилась на шведов из Швеции, а большинство остальных были норвежцы и датчане». Таким образом, Петербург стал обладать «редкостной притягательной силой» для иммигрантов из Скандинавии. При этом 72 процента шведов живших в Петербурге были заняты либо в предпринимательской, либо в коммерческой сфере деятельности.

Важным также стало и то, что шведская колония в столице России, безусловно, положительно влияла на развитие шведско-русского экономического сотрудничества в целом. Переселившиеся в Петербург шведы стали здесь выполнять своеобразную роль посредников в коммерческой, межгосударственной деятельности. Причем в развитии предпринимательского направления среди петербургских шведов весьма важное значение стала играть семья из трех поколений промышленников и изобретателей Нобелей. Ее представители одними из первых вследствие очередной волны иммиграции переселились в Петербург. В 1830-е гг. Нобели основали в столице России свою фирму, которая стала затем уже исходной базой для ряда шведских компаний, также начинавших свою коммерческую деятельность в России. В результате, на рубеже конца XIX в. – нач. XX вв. в Российской империи уже твердо обосновались такие мощные шведские фирмы, как «Альфа-Лаваль» и «ЛМ Эрикссон». Более того, в 1906–1916 гг. Россия стала вообще занимать 3–4 место от всего шведского экспорта, что создавала весьма благоприятные перспективы в дальнейшем развитии экономического сотрудничества.

К тому же, одновременно тогда между Россией и Швецией явно усиливался еще и негосударственный обмен в области культуры. В 1880–1890 гг., по мнению отечественных исследователей, в России вообще происходит всеобщее восхищение «шведской и всей северной культурой». Это время даже начали называть периодом «русской скандинавомании». У представителей состоятельной российской общественности становиться к тому же модным путешествие по Скандинавии. Тогда же популярным становиться еще и шведская художественная литература, ее стали переводить на русский язык. Причем, как считают некоторые исследователи, тогда происходит не просто восприятие «шведской литературы русской культурой» – эта литература начинает восприниматься в России как своя собственная. Подтверждению же роста интереса у русских ко всему скандинавскому является еще и то, что в 1897 г. в Петербурге

открылась большая Скандинавская художественная выставка, на которой были выставлены 279 картин наиболее известных североευропейских живописцев.

Что же касается Дании, то в отличие от Швеции, Копенгаген в большей степени развивал с Россией, прежде всего, политическое формы сотрудничества. Здесь важным являлось сохранение строгого нейтралитета и в отношениях с Россией не просматривались какие-либо формы отрицательных настроений. Более того, стали укрепляться фамильные связи короля Кристиана IX с царским семейством. В 1866 г. вышла замуж за наследника российского престола, будущего императора Александра III, дочь датского короля Дагмара. Она приняла православие и получила имя Мария Федоровна. В конце XIX века, по крайней мере, один раз в год царская семья отправлялась в Данию. Это заметно способствовало развитию хороших российско-датских отношений на высшем уровне.

Более того, в это время Дания рассматривала Россию, как важного партнера и опору страны вследствие резкого усиления соседнего германского государства. Тем не менее, несмотря на весьма дружественные отношения двух стран, как отмечает датский историк Ф. П. Енсен, «принципиальная датская ориентация на нейтралитет препятствовала более тесному сотрудничеству». Это особенно ясно было продемонстрировано, когда в 1885 г. Россия выступила с идеей создания союза балтийских государств. Этот союз должен был бы превратить в закрытую зону «для чужих кораблей» Балтийское море. Однако в Дании данное предложение встретили достаточно негативно, также как весьма прохладно к этому отнеслись и в Швеции.

В целом с наступлением XX века в сотрудничестве России со странами Северной Европы наблюдается определенная стабильность. Но вместе с тем у скандинавов проявлялась остро негативная реакция на события, происходившие в Финляндии, когда со стороны российского правительства началось наступление на ее автономные права. Особенно сильный накал в выражении отрицательного отношения к России был замечен во время пребывания в качестве генерал-губернатора Финляндии Н. И. Бобрикова, проводившего там жесткую русификаторскую политику. В Швеции, например, в ответ на это наблюдались антирусские выступления, а также стимулировалось проведение прогерманской политики. В печати усиленно муссировался тезис о наличии «угрозы» со стороны России.

Позиция Швеции в отношении России по финляндскому вопросу встречала адекватно отрицательную реакцию в Петербурге. Когда же Норвегия, после народного референдума, проведенного в августе 1905 г.,

решила расторгнуть унию со Швецией, в России отреагировали на это весьма положительно. После того, как 23 сентября 1905 г. шведско-норвежская уния перестала существовать, Россия первой из великих держав признала независимость Норвегии «во всей ее территориальной целостности». Это произошло 29 октября. Россия явилась также инициатором заключения 2 ноября 1907 г. Христианского гарантийного договора, по которому Норвегия получила международное признание своей неприкосновенности. Договор был подписан Норвегией и четырьмя великими державами – Россией, Германией, Францией и Англией.

Далее, уже в обстановке начавшейся Первой мировой войны все три скандинавских страны объявили о своем нейтралитете. Более того, скандинавские монархи – Густав V (Швеция), Кристиан X (Дания) и Хокон VII (Норвегия), а также министры иностранных дел скандинавских стран, собравшиеся в шведском городе Мальмё, явно подчеркнуто продемонстрировали свое единство и стремление своих государств оставаться нейтральными. Это отвечало интересам России, для которой важным явилось, чтобы с севера прикрывались подходы к ее рубежам. Нейтралитета скандинавов здесь было вполне достаточно.

Тем не менее, наиболее надежным в этом смысле был заполярный участок российской границы, поскольку Норвегия явно ориентировалась на союзницу России Англию. Что же касалось шведского и датского нейтралитета, то он являлся заметно более благожелательным к Германии. Характерно, что Дания по требованию Берлина даже минировала свои проливы. Кроме того, Германия дважды – в 1915 и 1916 гг. предпринимала попытки склонить Швецию к союзу против России. Это происходило уже в обстановке одерживаемых тогда Германией побед на Восточном фронте и стремясь склонить на свою сторону Швецию, Берлин несколько раз в неофициальной форме предлагала ей помощь в реализации идей обретения шведами Аландских островов и превращения Финляндии в буферное государство.

Швеция проявила, однако, осторожное отношение к немецким инициативам. Вместе с тем в финляндском вопросе она стремилась наряду с Германией всячески способствовать деятельности финских «активистов», которые вели нелегальную работу, направленную на отделение Финляндии от России. При этом сотрудники министерства иностранных дел Германии содействовали созданию в Стокгольме и Берлине эмигрантских центров финляндского «активистского» движения. Фактически Швеция явилась важным каналом, через который осуществлялась связь с Германией всех тех, кто в Финляндии рассчитывал с ее помощью добиться само-

стоятельности страны. Тем не менее данная немецкая политическая линия не привела к изменению общей позиции нейтралитета, которая оставалась неизменной для шведского королевства на протяжении всей войны.

Таким образом период Первой мировой войны стал серьезной проверкой стабильности тех принципов в отношениях, которые сложились у России со скандинавскими странами. Очевидно, что провозглашенный государствами Северной Европы нейтралитет оказался наиболее приемлемым для российской дипломатии.

Тем не менее, дальнейшие внутренние процессы, которые начались в это время в российской империи, уже серьезно изменили весь характер прежних ее отношений со Скандинавией и Финляндией. Наступала новая эпоха, которая будет сопровождаться как периодами мирного добрососедского сотрудничества, так и войнами, оставившими весьма негативный след на российско-скандинавских связях новейшего времени.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА К ПЕРВОЙ ЧАСТИ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ

Обязательная литература

а) Учебная литература

Кан А. С. История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М., 1980.

Рогинский В. В. Страны Северной Европы: Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия // Новая история стран Европы и Америки: Первый период. М., 1997.

Рогинский В. В. Страны Северной Европы (последняя треть XIX – начало XX в.) // Новая история стран Европы и Америки: Второй период. М., 1997.

Сванидзе А. А. Северная Европа в XV–XVII вв. // История средних веков. М., 1991. Т. 2.

б) Литература по разделам курса

Андерссон И. История Швеции. М., 1951.

Исторические связи Скандинавии и России: IX–XX вв. Л., 1970.

История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996.

История Норвегии. М., 1980.

История Швеции. М., 1974.

Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999.

Некрасов Г. А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей. IX–XVIII вв. М., 1993.

Ристе У. История внешней политики Норвегии. М., 2003.

Хьяульмарссон Й. Р. История Исландии. М., 2003.

Дополнительная литература

а) Учебная литература

Возгрин В. Е. История шведской и датской колониальных империй. СПб., 2011.

Мусаев В. И. Современные конфессиональные проблемы региона специализации. Религия и церковь в странах Северной Европы. СПб.: 2012.

Расила В. История Финляндии. Петрозаводск 2006.
Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 2010.

б) Литература по разделам курса

Опубликованные источники

Военно-исторический отдел Шведского генерального штаба. Шведская война 1808–1809 гг. Ч. 1–3. СПб., 1909.

Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). В 2-х выпусках. Вып. 1–2. М., 2004.

Документы по истории Аньяльской конфедерации // Новая и новейшая история. 1967. № 3.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Том 5. Древнескандинавские источники. М., 2009.

Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. СПб., 2013.

Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М., 1999.

История Выборга XVIII – начала XIX века в документах и материалах. М.; СПб., 2009.

Признание Россией норвежского независимого государства. М., 1958.

Россия и Швеция. Документы и материалы 1809–1818. М., 1985.

Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сборник документов. М.; Л., 1960.

Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг.: Документы гос. Архива. СПб., 1893.

Северная война 1700–1721 гг. Т. 1. М., 2009.

Хавен П. Путешествие в Россию. СПб., 2007.

Хроника Энгельбректа. М., 2003.

Хроника Эрика. Выборг, 1994.

Форстен Г. В. Акты и письма к истории балтийского вопроса. СПб., 1889–1893.

Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. М., 1978.

Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. М., 1981–1982. Т. 1–3.

Юстен П. Посольство в Московию 1569–1572 гг. СПб., 2000.

Бекстрём К. История рабочего движения в Швеции (1902–1917). Политический раскол рабочего движения и возникновение новой революционной рабочей партии. М., 1966.

Бьёркегрэн Х. Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906–1917. М., 2008.

Бобович И. М. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1968.

Бородкин М. М. Война 1854–1855 гг. на финском побережье. Исторический очерк. СПб., 1904.

Бородкин М. М. Двухсотлетие взятия Выборга. СПб., 1910.

Бородкин М. М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобрíkова. СПб., 1905.

Бородкин М. М. История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912.

Бородкин М. М. История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб., 1910.

Бородкин М. М. История Финляндии. Время Императора Александра I. СПб., 1909.

Бородкин М. М. История Финляндии. Время Императора Александра II. СПб., 1908.

Бородкин М. М. История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910.

Бородкин М. М. Краткая история Финляндии. СПб., 1911.

Бородкин М. М. Финляндская окраина в составе Русского Государства. СПб., 1906.

Бородкин М. М. Финляндский вопрос. СПб., 1905.

Васильев А. О древнейшей истории северных славян до времен Рюрика: Откуда пришел Рюрик и его варяги. М., 2012.

Вейбуль Й. Краткая история Швеции. Стокгольм, 1994.

Веселаго Ф. Войны России за обладанием Балтийским морем, политика Англии в отношении России и вступление английского флота в Балтийское море. М., 1855.

Викинг и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб, 1998.

Висури П., Талвитие Х., Луото Р. Русско-шведская война 1808–1809. Финляндия между Швецией и Россией. Эспоо, 2009.

Власов Л., Власова М. Маннергейм и Польша. СПб., 2005.

Власова М. Н. Пролетариат Финляндии в годы перовой русской революции (1905–1907). Петрозаводск, 1961.

Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986.

Геделунд Л. Н. История Дании. СПб.; М., 1907.

Гербер Х. Мифы Северной Европы. М., 2008.

Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. СПб., 1909.

Головинский М. В., Ядрышев Н. К. История финского народа. СПб., 1901.

Грот Я. К. Очерки из Финляндских походов 1808–1809 гг. // Соч. Т. 1. СПб., 1898.

Гуревич А. Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб., 2006.

Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977.

Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966.

Гусев П. Исторический очерк эпохи образования финляндской конституционной монархии. СПб., 1912.

Даниельсен Р., Дюрвик С., Грёнли Т., Хелле К., Ховланн Э. История Норвегии. От викингов до наших дней. М., 2003.

Дания и Россия – 500 лет. М., 1996.

Дементьев Г. А. Введение реформации в Дании. СПб., 1900.

Дементьев Г. А. Введение реформации в Швеции. СПб., 1892.

Джаксон Т. Н. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.

Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси. М., 2000.

Дубровская Е. Ю. Гельсингфоргский совет депутатов армии, флота и рабочих (март–апрель 1917 г.). Петрозаводск, 1992.

Дусаев Р. Н. Уголовное уложение Великого княжества Финляндского: История создания, основные институты. Л., 1988.

Жербин А. С. Формирование промышленного пролетариата в Финляндии во второй половине XIX века. М.: Л., 1963.

Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981.

Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. СПб., 2008.

Злобин К. К. Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I до присоединения Финляндии к России. СПб., 1868.

История Северной войны. 1700–1721 гг. М., 1987.

- Карцов А. П.* Военно-исторический обзор Северной войны. СПб., 1851.
- Клиндт-Йенсен О.* Дания до викингов. СПб., 2003.
- Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005.
- Клинге М.* На чужбине и дома. СПб., 2005.
- Клинге М.* Очерк истории Финляндии. Хельсинки, 1990.
- Кобзарева Е. И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 гг. М., 1998.
- Ковалевский С. Д.* Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.
- Коваленко Г. М.* Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX веков. СПб., 1999.
- Коваленко Г. М.* Русско-шведские отношения в XVII в. Петрозаводск, 1982.
- Коган М. А.* Просвещенный абсолютизм в Дании: Реформы Струэнзе. Л., 1972.
- Козлов С. А.* Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721. СПб., 2011.
- Корнелий Крюйс.* Адмирал Петра Великого. Ставангер; М.; СПб., 1998.
- Корнилов Г. Д.* Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX – начале XX в. Л., 1971.
- Кротов П. А.* Битва при Полтаве. СПб., 2009.
- Кротов П. А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996.
- Кузнецов А. Е.* История Норвегии. М., 2006.
- Кяйвярйянен И. И.* Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965.
- Лагерквист Л. О.* История Швеции. Värnamo, 2004.
- Лайдинен А. П.* Очерки истории Финляндии второй половины XVIII века. Л., 1972.
- Лайдинен А. П.* Торпарская система аренды земли в Финляндии XVII–первая половина XIX вв. Л., 1987.
- Лайдинен А. П.* Торпарский вопрос в Финляндии во второй половине XIX вв. Петрозаводск, 1992.
- Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
- Лённрут Э.* Великая роль. Король Густав III, играющий самого себя. СПб., 1999.

Лялина М. А. Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия. СПб., 1908

Макаров И. В. Очерки истории реформации в Финляндии. М., 2007.

Мейнандер Х. История Финляндии. М., 2006.

Мелли Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. М., 2002.

Мессариш П. И. Финляндия – Государство или Русская Окраина? СПб., 1897.

Михайлов С. К. Юридическое положение Финляндии. СПб., 1900.

Михайловский-Данилевский. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг. СПб., 1841.

Мышлаевский А. З. Петр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 годах. СПб., 1896.

Муравьев М. А. Русский флот в войне со Швецией 1741–1743 годов. Львов, 2000.

Мусаев В. И. Россия и Финляндия: Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). СПб., 2007.

Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976.

Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг. М., 1964.

Ниве П. А. Русско-шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1910.

Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М., 1959.

Ниронен Я. Финский Петербург. СПб., 1999.

Новикова И. Н. Между молотом и наковальней: Швеция в германороссийском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006.

Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002.

Овчинникова А. Я. Революционная Россия и Финляндия, 1905–1907. Таллинн, 1988.

Ордин К. Покорение Финляндии. Т. I–II. СПб., 1909.

Остен-Сакен В. Государственно-правовое положение Великого Княжества Финляндского в Российском государстве. СПб., 1910.

Ошеров Е. Б., Суни Л. В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986.

Палудан Х., Ульсиг Э., Расмуссен К. П., Бондеруп Г., Петерсен Э. С., Поульсен Х., Расмуссен С. Х. История Дании. М., 2007.

- Петрухин В.* Мифы древней Скандинавии. М., 2004
- Пийримяэ Х. А.* Страны Северной Европы // История Европы. М., 1993. Т. 4.
- Платен К. Х.* Стединк. СПб., 1999.
- Полвинен Т.* Державы и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904. СПб., 1997.
- Полиевктов М.* Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725 гг.). СПб., 1907.
- Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
- Похлебкин В. В.* Дания. М., 1955.
- Похлебкин В. В.* СССР–Финляндия. 260 лет отношений. 1713–1973. М., 1975.
- Прибалтийско-финские народы.* История и судьба родственных народов. Ювяскюля, 1995.
- Рогинский В. В.* Борьба за Скандинавию. Международные отношения на севере Европы в эпоху Наполеоновских войн. М. 2012.
- Рогинский В. В.* Швеция и Россия: союз 1812 года. М., 1978.
- Россия и Норвегия.* Вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX–XXI вв.). М., 2012.
- Россия и Финляндия: Проблемы взаимовосприятия XVII–XX вв.* М., 2006.
- Россия и Финляндия в 1808-1809 годах.* СПб., 2010.
- Россия и Швеция.* Документы и материалы 1809–1818. М., 1985.
- Росдаль Э.* Мир викингов: Викинги дома и за рубежом. СПб., 2001.
- Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия, IX–XIV вв. М., 1978.
- Русь и варяги: Новый взгляд на историю Европы и Руси.* М., 1999.
- Сванидзе А. А.* Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV–XV вв.). М. 1967.
- Сванидзе А. А.* Северная Европа в XII–XV вв. // История Европы. М., 1992. Т. 2.
- Сванидзе А. А.* Средневековый город и рынок в Швеции. XIII–XV вв. М., 1980.
- Славяне и скандинавы.* М., 1986.
- Смирнов В.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933.
- Соломещ И. М.* Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Петрозаводск, 1992.
- Сорокин П. Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб., 2001.

- Стилле А.* Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. СПб., 1912.
- Стринггольм А.* Походы викингов. М., 2002.
- Суни Л. В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии (50–70-е гг. XIX в.). Л., 1979.
- Суни Л. В.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е гг. XIX в. Л., 1982.
- Сухтелен П. К.* Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 гг. СПб., 1832.
- Такала И.* Финляндская линия. Очерки истории национальной мысли Финляндии (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). Петрозаводск, 2006.
- Тарле Е. В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.
- Тиандер К.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.
- Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. СПб., 2008.
- Тризна Д. С.* Финляндия за 100 лет в составе России (1809–1909). СПб., 1911.
- Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П.* Императоры на отдыхе в Финляндии. СПб., 2003.
- Успенский Ф. Б.* Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.
- Фейгина С. А.* Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959.
- Финны в Европе, VI–XV века. Вып. 1–2. М., 1990.
- Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998.
- Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI–начале XVII вв. М., 1973.
- Форстен Г. В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884.
- Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1893–1894. Т. 1, 2.
- Чернышева О. В.* Шведы и русские: Образ соседа. М., 2004.
- Царь Петр и король Карл. М., 1999.
- Цивилизация Северной Европы. Средневековый город и культурное взаимодействие. М., 1992.
- Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV века. Л., 1987.
- Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестовоносной агрессии на берегах Балтики в XII – XIII вв. Л. 1978.

Шаскольский И. П. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII – начало XVI в. Петрозаводск. 1987.

Шаскольский И. П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. (Торговля со Швецией). СПб., 1994.

Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со шведским государством. М.; Л., 1964.

Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

Шаскольский И. П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998.

Шведы и Русский Север. Киров, 1987.

Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998.

Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века. М., 2005.

Шкваров А. Г. Генерал-лейтенант Маннергейм. СПб., 2005.

Щеглов А. Д. Вестеросский риксдаг 1527 года и начало Реформации в Швеции. М., 2008.

Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М., 1995.

Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005.

Юссилла О. Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки, 2009.

Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897.

Янгфельдт Б. Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм; СПб., 2003.

Интернет-ресурсы

Сайты, посвященные истории Древней Скандинавии:

<http://www.fjord.org> — Фьорд – сайт о Древней Скандинавии, скандинавской мифологии, викингх. Сайт Фьорд стал финалистом конкурса «Золотой сайт» в номинации «история, культура, искусство».

<http://ulfdalir.ru> — Ульвдалир – посвящен истории скандинавских стран (Швеции, Норвегии, Дании и Исландии) эпохи викингх.

<http://norse.ulver.com> — Norgoen Dýrð – сайт о древней скандинаво-исландской культуре и истории.

Сайты о Скандинавских странах на русском языке:

<http://norse.ru> — Проект «Скандинавия по-русски», русскоязычный портал о Скандинавии.

<http://www.scandinavica.info/scandinavia/history/> — История и культура стран Северной Европы

<http://www.dansk.ru> — История и культура Дании

<http://www.russia.no> — Русско-норвежский каталог.

<http://www.kalevala.ru> — Народный эпос Калевала.

www.kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf — Коллекция биографий «Сто замечательных финнов» (рус.яз.)

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
Изучение истории скандинавских стран и Финляндии в Санкт-Петербурге	3
РУСЬ И СКАНДИНАВИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	19
Взаимоотношения Древнерусского государства со странами Северной Европы	19
Начало борьбы за господство в восточной части Балтийского моря ...	23
Русско-скандинавские отношения на рубеже начала Нового времени . .	32
РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ	42
Эволюция геополитической ситуации на Балтике и российско-скандинавские отношения в XVII-XVIII вв.	42
Присоединение Финляндии к России и завершение периода русско-шведских войн	59
Взаимоотношения России с государствами Северной Европы в XIX-м – нач. XX-го века	67
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	77
Интернет-ресурсы	85
Содержание	87

Учебно-методическое издание

Владимир Николаевич Барышников

**Россия и страны Северной Европы.
Часть I: От Средних веков к Новому времени**

Корректор *Н. В. Бакланова*
Верстка *С. С. Смирновой*

Подписано в печать 18.06.2013.

Формат 60x84/16. Объем 5,5 п. л. Тираж 50 экз. Заказ 18/06-13.

Отпечатано на полиграфической базе исторического факультета СПбГУ.
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.